

Мария Вячеславовна Завьялова

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела типологии и сравнительного языкознания, Институт славяноведения РАН (119334, Москва, Ленинский пр., 32а)

E-mail: mariazavyalova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-0613-0028>

Литовские односоставные личные имена: семантика, прагматика, тенденции

Аннотация

Статья посвящена анализу литовских односоставных личных имен, представляющих собой достаточно новое явление в литовской антропонимии. Односоставные антропонимы литовского происхождения (как правило, образованные от апеллятивов) вошли в употребление в начале XX в. и до сих пор активно используются носителями литовского языка. В статье производится семантическая классификация этих антропонимов, прослеживается история их функционирования на протяжении ста лет (1920–2020), рассматривается прагматика их употребления, а также современные тенденции развития. Имена оцениваются по следующим параметрам: время первого употребления, пик популярности, общее количество употреблений за все время наблюдения, сравнение употребительности женских и мужских вариантов имени (если таковые имеются), актуальность в настоящее время. На основании статистических данных, полученных на сайте Государственной комиссии литовского языка, делается вывод, что наиболее продуктивными периодами именотворчества были первые годы обретения независимости в XX в. и два следующих за ним десятилетия (1920–1960). В XXI в. отмечается появление новых имен: это связано со стремлением родителей выбрать оригинальное, уникальное имя для своего ребенка, а также с тем, что имена, имевшие большую популярность в середине XX в., сейчас воспринимаются как слишком «обычные» и чересчур распространенные. Семантическая классификация производных основ новых имен позволяет выявить наиболее продуктивные типы, а также сделать предположения относительно причин их популярности. Так, наиболее продуктивными оказываются антропонимы, производные от названий растений, имена, связанные с водной сферой, а также производные от имен языческих богов или имеющие мифологические коннотации. Популярность литовских «языческих» имен свидетельствует о росте национального самосознания, сопротивлении глобализации и стремлении вернуться к корням, закрепив в именах реликты древней балтийской религии.

Ключевые слова

литовский язык; антропонимия; имянаречение; антропонимы литовского происхождения; односоставные личные имена; семантика личного имени; тенденции употребления личных имен; статистика

Для цитирования

Завьялова М. В. Литовские односоставные личные имена: семантика, прагматика, тенденции // Вопросы ономастики. 2026. Т. 23, № 2. С. 121–161. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.2.024

Рукопись поступила в редакцию 21.08.2025

Рукопись принята к печати 15.11.2025

Maria Viacheslavovna ZAVYALOVA

PhD, Senior Researcher, Department of Typology and Comparative Linguistics, Institute for Slavic Studies of the RAS (32a, Leninsky Ave., 119334 Moscow, Russia)

E-mail: mariazavyalova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-0613-0028>

Lithuanian Mono-Component Personal Names: Semantics, Pragmatics, Tendencies

Abstract

The article is devoted to the analysis of Lithuanian mono-component personal names, which represent a relatively new phenomenon in Lithuanian anthroponymy. Mono-component anthroponyms of Lithuanian origin, usually derived from appellatives, came into use at the beginning of the 20th century and continue to be actively used in Lithuania. The article provides a semantic classification of these anthroponyms, traces the history of their functioning over a hundred years (1920–2020), and considers the pragmatics of their use, as well as current developmental trends. The names are assessed according to the following parameters: the time of first use, the peak of popularity, the total number of uses over the observation period, the frequency of female and male versions of the name (where both exist), and current relevance. Based on statistical data obtained from the website of the State Commission of the Lithuanian Language, it is concluded that the most productive periods of naming were the first decades of independence in the 20th century and the subsequent period up to 1960 (1920–1960). The 21st century has seen a resurgence of new names, driven by parents' desire to choose an original, unique name for their child, as well as by the fact that names that were popular in the mid-20th century are now perceived as too “common” and overly widespread. A semantic classification of the derivational stems of new names makes it possible to identify the most productive types and hypothesize about the reasons for their popularity. Thus, the most productive groups comprise anthroponyms derived from plant names, names associated with the aquatic sphere, and those derived from the names of pagan gods or bearing mythological connotations. The popularity of Lithuanian “pagan” names may reflect growing national consciousness, resistance to globalization, and a desire to return to one's roots, thereby preserving elements of the ancient Baltic religion in personal names.

Keywords

Lithuanian language; anthroponymy; naming; anthroponyms of Lithuanian origin; mono-component personal names; semantics of personal names; trends in the use of personal names; statistics

For citation

Zavyalova, M. V. (2026). Lithuanian Mono-Component Personal Names: Semantics, Pragmatics, Tendencies. *Voprosy onomastiki*, 23(2), 121–161. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2026.23.2.024

Received on 21 August 2025

Accepted on 15 November 2025

Введение

Литовская антропонимическая наука в последнее время выделяет четыре основных пласта личных имен [см.: Гудавичюс 2013: 138; Sinkevičiūtė 2018]. Два из них составляют исконные антропонимы (образованные от литовских корней) и два — заимствованные. При этом имена литовского происхождения, по данным статистики, составляют две трети всех имен [Vardai VLKK].

Самый древний пласт антропонимов — так называемый народный антропонимикон — это двусоставные имена, например *Mindaugas* (*min-* < *minėti*, *miñti* ‘упоминать, вспоминать’ + *daũg* ‘много’), *Vytautas* (*vy-* < *išvỹdo*, *išvỹsti* ‘увидеть’ + *taut-* < *tautà* ‘народ’), *Jogaila* (*jo-* < *jóti* ‘ехать верхом’ + *gail-* < др.-лит. *gailas* ‘сильный’). Имена этого типа составляют основной массив литовского антропонимикона, они также являются наиболее исследованными в научной литературе [см.: Zinkevičius 2008; Юркенас 2003; Валянтас 2004; Sinkevičiūtė 2006; 2016; 2022; и др.]. В последнее время этот пласт пополняется новыми именами, образованными не только от традиционных основ, но и от разнообразных апеллятивов [см. об этом: Sinkevičiūtė 2019; 2022].

Второй пласт — заимствованные и адаптированные христианские имена, появившиеся после крещения Литвы в конце XIV в. (например, *Marijā*, *Onà*, *Pētras*, *Póvilas*, *Tòmas*, *Viktòrija*). По происхождению это греческие, древнееврейские или германские антропонимы, заимствованные через латинское посредство. Эти имена пока изучались только в рамках традиции имяназрения и празднования именин [см., например: Paukštytė 1999; Šaknys 2008; Mardosa 2003].

Третий пласт представляют собой односоставные антропонимы, производные, как правило, от апеллятивов (помимо апеллятивов, основой для таких имен могут быть другие имена собственные: топонимы, теонимы). По мнению историков языка, такие имена существовали в древности — скорее всего, в качестве прозвищ [Zinkevičius 2008]. Однако в XX в. произошел всплеск популярности такого рода имен уже в качестве полноправных антропонимов. Стали появляться многочисленные новые односоставные имена, образованные от литовских апеллятивов. В разных работах их называют по-разному: например, «природные имена» (что не совсем корректно, поскольку не все они

производны от апеллятивов, называющих явления и объекты из сфер живой и неживой природы), «новые литовские имена» (что тоже не совсем правильно, поскольку в древности многие из них существовали в виде прозвищ). В данной статье они называются литовскими односоставными в противопоставление традиционным двусоставным и заимствованным односоставным. Из специальных работ, посвященных этому пласту антропонимикона, можно назвать работы А. Гудавичюса [2013], М. Сипавичюс-Сейде [Sipavicius Seide 2022], а также статьи Д. Синкявичюте [Sinkevičiūtė 2012; 2014; 2017; 2021; и др.], в основном анализирующие статистические данные. Комплексные исследования такого рода имен нам неизвестны.

В последнее время появляется все больше заимствованных имен, не связанных с давней христианской традицией, например: *Emilija*, *Kamilė*, *Eduárdas*, *Nõjus*, что позволило исследователям выделить их в отдельный — четвертый — пласт.

Настоящая статья посвящена третьей группе антропонимов — односоставным литовским именам. Исследование ставит целью проследить историю распространения односоставных литовских имен на протяжении ста лет (1920–2020), выявить тенденции их развития, роста и спада популярности, произвести семантический анализ имен и мотивацию их употребления, определить возможные закономерности и связи семантики и прагматики. Материалом послужили опубликованные календари литовских имен за разные годы [Kalendorius 1936; Vardai 1943; Kalendorius 1947; Kalendorius 1959; Vardadienių knyga 2009]¹, в которых отражены списки актуальных имен, распределенных по датам (именины)². Эти списки сверялись с именами, отраженными в [Kuzavinis & Savukynas 1994], а также со статистическими данными употребления имен с 1900 по 2020 гг., доступными на сайте Государственной комиссии литовского языка [Vardai VLKK]. На основании этих данных была сделана выборка употреблявшихся за последнее столетие имен, насчитывающая 360 антропонимов.

Несмотря на то что корпус односоставных литовских личных имен занимает небольшую долю в литовском антропонимиконе (во всем корпусе имен, использующихся в Литве, они составляют 10–15 %³), эти имена довольно популярны. За последние несколько лет ежегодно в десятку наиболее популярных

¹ Благодарю Жильвитиса Шакниса и Расу Паукштите-Шакнене за любезно предоставленные материалы всех упомянутых календарей.

² В календари входят все типы имен: и двусоставные литовские, и заимствованные христианские, и обсуждаемые литовские односоставные.

³ Более точные данные привести сложно из-за постоянно появляющихся новых имен во всех группах.

литовских имен входят два-три традиционных отапеллятивных имени. Для исследователя эти имена представляют особый интерес, поскольку они отражают уникальность литовской антропонимической системы. А. Гудавичюс, проанализировав традиции соседних народов, пришел к выводу, что только в Литве система традиционных односоставных имен, образованных от апеллятивов, так продуктивна. Ближе всего к ней латышская антропонимическая система, где подобные имена довольно распространены, но там они все же не являются настолько популярными [Гудавичюс 2013: 141].

Следует отметить, что некоторые современные тенденции имяназрения совпадают в Литве, Латвии и Эстонии. Лаймуте Балодэ, проанализировав эти тенденции во всех трех странах, отмечает, что «создание новых имен из природных этимонов характерно для всех трех прибалтийских народов» [Balode 2022: 54]. Однако в каждой стране обнаруживаются свои особенности: например, в Латвии не распространены имена, производные от гидронимов; имена языческих божеств в качестве антропонимов там также не пользуются большой популярностью.

Анализ употребляемых имен проводится в статье по нескольким параметрам. Имена оценивались: по времени первого употребления; по пику популярности; по актуальности на сегодняшний день; по количеству употреблений за все время наблюдений за статистикой; по семантическому наполнению; по соотношению популярности мужского и женского варианта (если таковые имеются).

Для удобства подсчетов столетний период поделен на равные отрезки по 20 лет: 1920–1940 гг.; 1940–1960 гг.; 1960–1980 гг.; 1980–2000 гг.; 2000–2020 гг. Конечно, эти отрезки не совпадают с историческими периодами, которые выделяются в литовской историографии⁴, однако определенные важные вехи стоит выделить внутри каждого временного отрезка:

- 1920–1940 гг. — период почти полностью совпадает с периодом Первой Литовской Республики (1918–1940);
- 1940–1960 гг.: 1940–1941 гг. — советская оккупация, 1941–1944 гг. — Вторая мировая война, немецкая оккупация, с 1944 г. до конца этого периода — советская оккупация;
- 1960–1980 гг.: продолжение советской оккупации, с 1964 г. — так называемый период застоя, также называемый периодом зрелого социализма;

⁴В литовской историографии советское время в Литве делится на следующие периоды: 1945–1953 гг. — сталинское время, период раннего социализма; 1953–1964 гг. — так называемый период оттепели; 1964–1985 гг. — так называемый период застоя, также определяемый как зрелый социализм; 1985–1990 гг. — период позднего социализма, «перестройка» [Senvaitytė 2013: 103]. Благодарю Жильвитиса Шакниса за консультации по поводу историографии.

- 1980–2000 гг.: с 1987 г. — движение за независимость, Саюдис, обретение независимости (1990);
- 2000–2020 гг.: с 2004 г. Литва в составе Европейского союза.

Семантико-мотивационная классификация обсуждаемых имен

Литовские исследователи выделяют пять групп односоставных литовских личных имен по происхождению мотивирующей основы: 1) «мифологические» имена — образованные от имен мифологических существ и божеств; 2) литературные имена — созданные писателями или взятые ими из уже не прослеживаемых источников и получившие популярность посредством художественной литературы; 3) оттопонимические (чаще всего отгидронимические) имена; 4) имена, производные от этнонимов; 5) новые имена, соотносимые с апеллятивами [Гудавичюс 2013: 139; Zinkevičius 2008: 64; Kuzavinis & Savukynas 1994: 43–45].

Оттопонимическую антропонимию литовские исследователи также относят к апеллятивной, поскольку названия рек, озер и местностей, в свою очередь, как правило, восходят к апеллятивам [Гудавичюс 2013: 139].

Позволим себе немного другую, более подробную классификацию. Прежде всего, видимо, имеет смысл разделить личные имена на происходящие от имен нарицательных и имен собственных. Таким образом, классификация может выглядеть следующим образом.

I. Личные имена, производные от апеллятивов

1. Имена, производные от названий природных объектов и явлений, представителей флоры и фауны.

1.1. Имена, производные от названий природных объектов и явлений: *Ąudra*, ж. ‘Буря’, *Vėjas*, м. ‘Ветер’, *Jūra*, ж. ‘Море’, *Ūkas*, м. ‘Туман’.

1.2. Имена, производные от названий растений: *Ramūnė*, ж. ‘Ромашка’, *Nėdrė*, ж. ‘Тростник’, *Dobilas*, м. ‘Клевер’, *Bėržas*, м. ‘Береза’.

1.3. Имена, производные от названий представителей фауны: *Bitė*, ж. ‘Пчела’, *Lakštūtė*, ж. ‘Соловей’, *Sėkalas*, м. ‘Сокол’, *Ūdrė*, м. ‘Выдра’.

1.4. Имена, производные от названий временных отрезков: *Pavėsarė*, м. ‘Весна’, *Grėuodė*, м. ‘Декабрь’.

2. Имена, производные от характеристик: с одной стороны — названий качеств человека; с другой стороны — названий абстрактных свойств,

качеств, понятий, чувств (часто это имена с двойной мотивированностью, поэтому конкретные подгруппы мы не выделяем): *Gražûtė*, ж. 'Красивая', *Laĩsvė*, ж. 'Свобода', *Teisùtis*, м. 'Справедливый', *Svajõnė*, ж. 'Мечта'.

II. Трансонимы

1. Личные имена, производные от топонимов: *Vilija*, ж. 'Вилия' (река), *Nidà*, ж. 'Нида' (поселок), *Baltỹs*, м. 'Бальтис' (озеро), *Kaĩnas*, м. 'Каунас' (город).
2. Личные имена, производные от имен литературных героев и фольклорных персонажей: *Jũrãtė*, ж. 'Юрате' (героиня баллады Майрониса «Юрате и Каститис»), *Šarũnas*, м. 'Шарунас' (герой народной легенды).
3. Личные имена, производные от теонимов: *Perkũnas*, м. 'Пяркунас' (литовский бог-громовержец), *Austėja*, ж. 'Аустея' (литовская богиня пчел).
4. Личные имена, производные от этнонимов: *Jótvingis*, м. 'Ятвяг', *Skal̃vis*, м. 'Скальв'.

Литовские исследователи, как правило, анализировали только отдельные категории этих антропонимов (например, так называемые природные имена⁵ [Гудавичюс 2013; Sinkevičiūtė 2018], личные имена, производные от этнонимов [Sinkevičiūtė 2012]).

Большинство имен имеет структуру «корень + окончание», иногда к основе присоединяются суффиксы (чаще со значением уменьшительности) *-ut*, *-yt*, *-ėl*, *-ũn*, *-uol*, *-ėn*, *-en*, *-in*, *-at*, *-ait* и др., образуя варианты (более подробный обзор словообразовательных моделей литовских имен см. в [Sinkevičiūtė 2018]).

Женских литовских односоставных имен примерно 60 %, мужских — 40 %. Соотношение это меняется, поскольку в последнее время прослеживается тенденция к парности: часто появляются ранее не существовавшие мужские эквиваленты женских имен, и наоборот. На данный момент в исследуемом корпусе имен только 45 % имен образуют пары (например, *Áida*, ж. / *Áidas*, м.; *Giñtarė*, ж. / *Giñtaras*, м.; *Svajũnė*, ж. / *Svajũnas*, м.). Популярность имен в парах разная и, по-видимому, зависит от семантики, что будет проанализировано далее. В целом женские природные имена более популярны: по свидетельству А. Гудавичюса, «если рождается мальчик, велика вероятность, что он получит христианское имя; если девочка — имя мифологического происхождения или новое литовское имя» [Гудавичюс 2013: 141].

⁵ По пояснению автора, восходящие к названиям явлений природы [Гудавичюс 2013: 137].

В двадцатку самых популярных литовских односоставных имен (насчитывающих более 10 тыс. употреблений за сто лет) входят семь мужских имен и 13 женских. Двадцатка самых популярных имен выглядит следующим образом:

- Linà*, ж. (< *linas*, м. 'лен') — 23 904 употр.
Aldonà, ж. (< *aldėti* 'звучать') — 23 071 употр.
Rasà, ж. (< *rasà*, ж. 'роса') — 21 804 употр.
Dàiva, ж. (богиня судьбы) — 21 745 употр.
Nijòlė, ж. (богиня подземного мира) — 18 805 употр.
Sàulius, м. (< *saulė*, ж. 'солнце') — 18 748 употр.
Arūnas, м. (< *arūnas*, м. 'орел') — 18 500 употр.
Mārius, м. (< *mārios*, ж. 'море') — 17 535 употр.
Jūrātė, ж. (< *jūra*, ж. 'море', героиня баллады Майрониса «Юрате и Каститис») — 14 808 употр.
Ėglė, ж. (< *ėglė*, ж. 'ель') — 14 576 употр.
Aušrà, ж. (< *aušrà*, ж. 'заря') — 14 049 употр.
Láima, ж. (богиня судьбы) — 13 939 употр.
Dalià, ж. (богиня доли) — 13 881 употр.
Rūtà, ж. (< *rūtà*, ж. 'рута') — 13 878 употр.
Giñtaras, м. (< *giñtaras*, м. 'янтарь') — 13 715 употр.
Aũdrius, м. (< *audrà*, ж. 'буря') — 11 942 употр.
Gabijà, ж. (богиня огня) — 10 760 употр.
Gražinà, ж. (< *graži* 'красивая', героиня одноименной поэмы А. Мицкевича) — 10 379 употр.
Daĩnius, м. (< *daĩnius* 'певец') — 10 358 употр.
Giėdrius, м. (< *giėdras* 'ясный') — 10 335 употр.⁶

Причины популярности тех или иных имен будут обсуждаться далее.

История и статистика

Хотя в качестве личных имен отапеллятивные антропонимы стали использоваться только в XX в., аналогичные имена мы находим в списках средневековых литовских прозвищ, фиксирующихся в источниках наряду с христианскими именами с XVI в. Позднее от них образовались фамилии. З. Зинкявичюс разделяет прозвища на следующие семантико-мотивационные

⁶Здесь и далее все статистические данные (включая графики) приводятся по материалам, представленным на сайте [Vardai VLKK].

группы: 1) обстоятельства рождения (время и место); 2) животные; 3) растения; 4) бытовые предметы; 5) родственные связи; 6) ремесло; 7) национальность; 8) теократия; 9) физические особенности; 10) особенности характера и поведения.

По мнению З. Зинкявичюса, прозвищ, которые стали использоваться позднее в качестве имен, всего 2 %, и это антропонимы, получившие впоследствии дополнительные мифологические, фольклорные, литературные коннотации [Zinkevičius 2008: 490].

Несмотря на сходство некоторых тематических групп, списки прозвищ и современных имен не идентичны. Например, при выделении внешних характеристик прозвища делают акцент на реальных особенностях человека ('кривой', 'косой', 'горбатый'), новые имена — на желательных свойствах. Хотя и в древности существовали прозвища, образованные от имен языческих божеств (количество их очень невелико), они имеют очень мало аналогов среди современных личных имен. Тем не менее примечательно, что многие принципы современного имяназвания совпадают с тенденциями в образовании прозвищ.

Наибольшее количество сходжений обнаруживается в группе имен, образованных от названий растений, которая является одной из самых многочисленных и продуктивных в современном имяназвании. Также много совпадений в группе имен, образованных от апеллятивов, обозначающих природные явления. Меньше совпадений среди имен, называющих внешние и внутренние качества человека. Примечательно, что современные антропонимы сохраняют мотивировку по месту и времени рождения, хотя, возможно, в современном мире конкретные обстоятельства рождения уже не играют решающей роли. Несмотря на то что в группе «национальность» совпадений нет, в современной литовской антропонимии этнонимы также присутствуют. Очевидно отсутствие совпадений в группах, обозначающих бытовые предметы, ремесло и родственные связи.

Появление литовских односоставных имен в XX в. связано с первым периодом независимости. До 1920-х гг. в Литве использовались в основном христианские имена. В календарях литовские имена стали появляться только после восстановления независимости Литвы в 1918 г. О популярности этих имен свидетельствует увеличение их количества: начиная с 1920 г. каждое десятилетие приносило по 20–30 новых «природных» имен [Гудавичюс 2013: 141]. Далеко не все имена, зафиксированные в календарях, впоследствии получали распространение. Например, в календаре 1936 г. мы находим имена *Akytė* 'Глазик', *Angà* 'Отверстие', *Raudà* 'Плач', *Varguõlė* 'Бедняжка', *Baisuõlis* 'Страшила', *Galutis* 'Кончик', *Jũreĩvis* 'Моряк' [Kalendorius 1936],

которые за сто лет ни разу не появились в статистике употребления. Подобные странные имена встречаются в каждом календаре, но в межвоенный период, видимо, был бум именотворчества. Ср. похожие примеры в других календарях: *Kāras* ‘Война’, *Rūstūtis* ‘Грозный’ [Vardai 1943], *Karinis* ‘Военный’, *Sárgė* ‘Сторож’ (ж. р.) [Kalendorius 1947], *Straublys* ‘Хобот’, *Širpūtė* (< *šiřpas* ‘дрожь’), *Žvinglė* ‘Хохотушка’ [Kalendorius 1959].

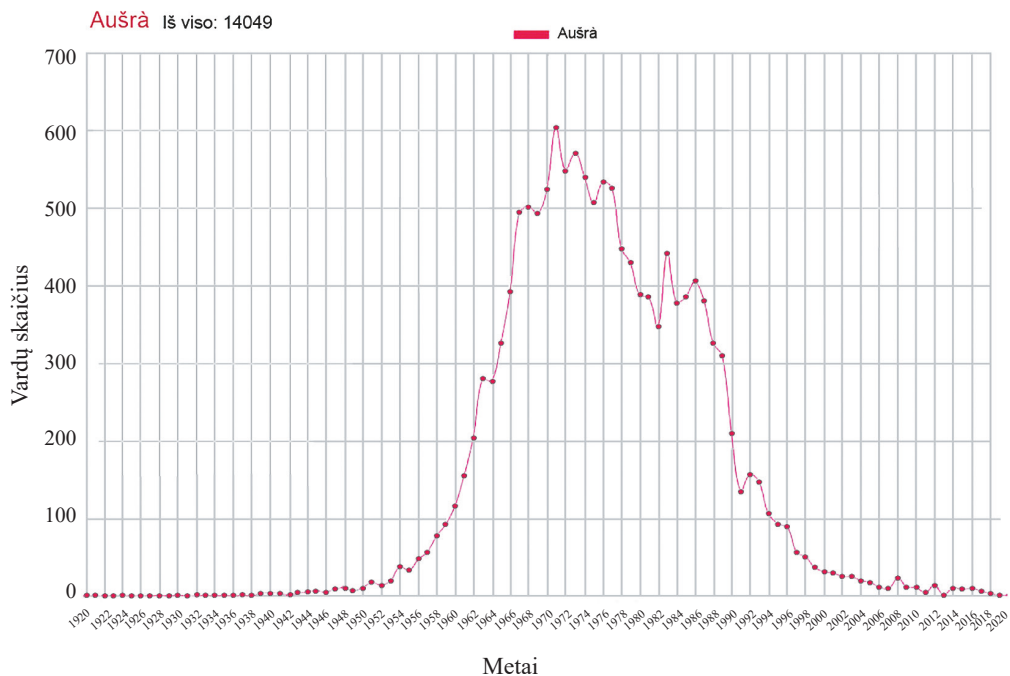
Фиксация времени первого употребления отапеллятивных имен демонстрирует интересные закономерности: больше всего имен вошло в употребление в 1940–1960 гг. (30 %); немного меньше (29 %) — в 1920–1940 гг. Двадцатилетие 1960–1980 гг. характеризуется некоторым спадом именотворчества: в этот период появилось 17 % от общего количества употребляемых сейчас имен. За ним последовал еще больший спад: в период 1980–2000 гг. в употребление вошло всего 8 % имен. В последнее двадцатилетие вновь отмечается подъем: в 2000–2020 гг. появилось 14 % новых имен.

Пики популярности⁷ имен оценивались начиная с 1950-х гг., поскольку ранее пиков не зафиксировано. Подсчет велся по десятилетиям. Анализ статистических данных показал, что пик популярности большинства имен (28 %) пришелся на 1960-е гг. В последующее десятилетие (1970-е гг.) почти вдвое меньше имен (15 %) имели наибольшую популярность. Затем (1980–2000) наблюдается еще больший спад: только 7 % имен имели пик своей популярности в эти годы. С 2000-х гг. ситуация меняется: в первое десятилетие XXI в. уже 12 % имен обнаруживают высокую популярность. В следующее десятилетие эта цифра увеличивается ровно вдвое: в 2010–2020 гг. пик своей популярности имели 24 % ныне употребляющихся имен. Таким образом, мы видим два периода наибольшей популярности большинства новых имен: 1960-е гг. и 2010-е гг.

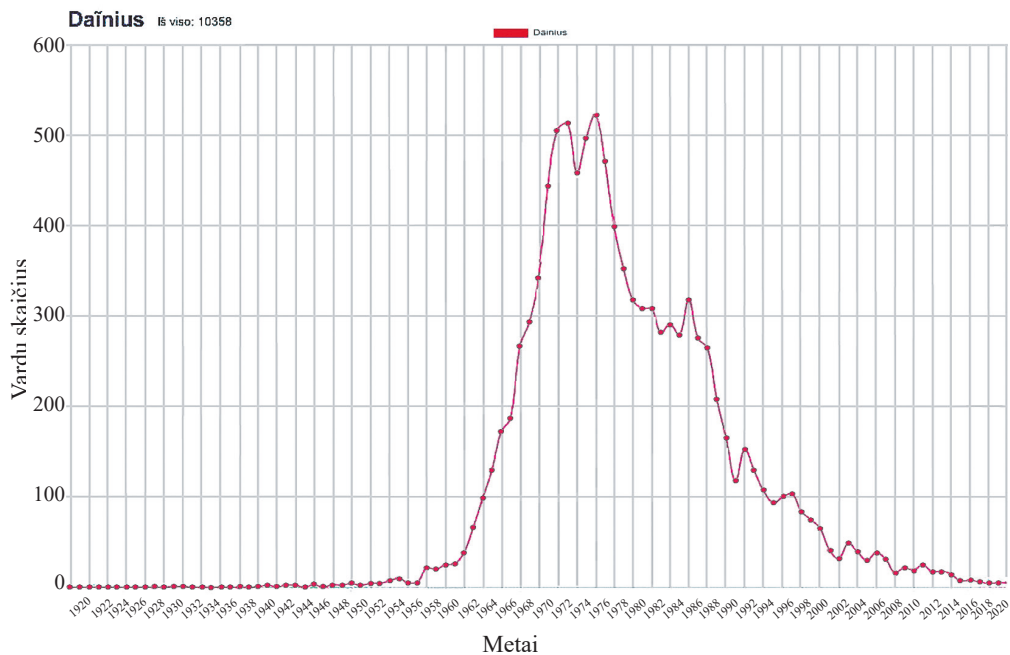
В связи с оценкой популярности прослеживается еще одна тенденция: имена, вошедшие в употребление в 1920–1940-е гг., имеют пик популярности в 1960–1970-е гг., а к XXI в. их популярность идет на спад. Приведем для наглядности графики употребления двух популярных имен в 1920–2020 гг. (см. ил. 1 и 2).

Имена, впервые зафиксированные в более поздний период (1960–1970), чаще всего имеют пик популярности в 2000-е гг. (см. ил. 3 и 4).

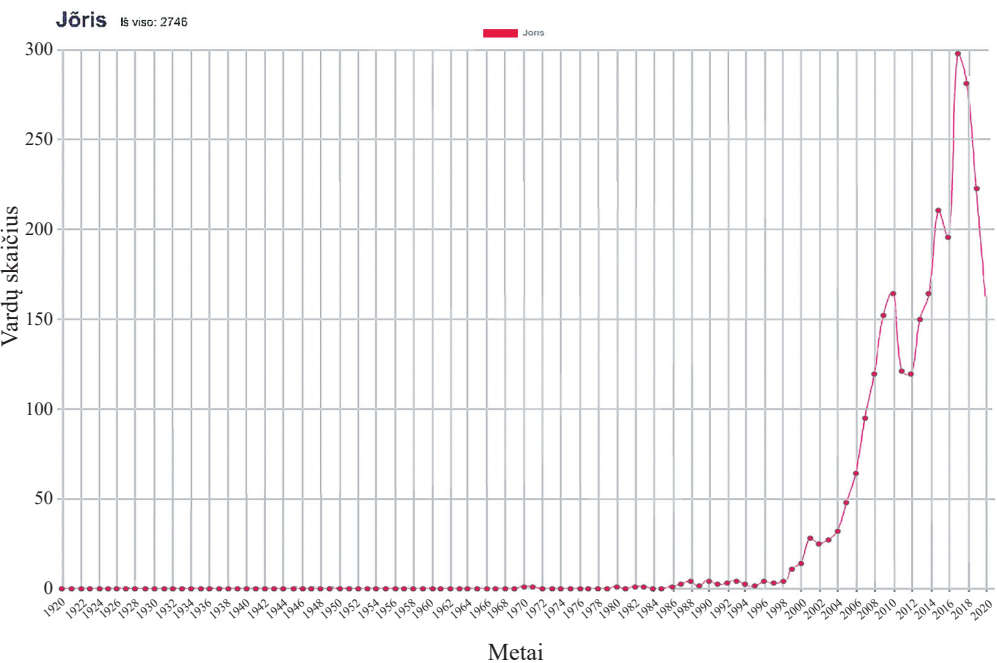
⁷В данном случае оценивались только имена, имеющие достаточное количество употреблений, чтобы можно было выявить пики их популярности. Имена, для которых характерны единичные употребления, не принимались во внимание.

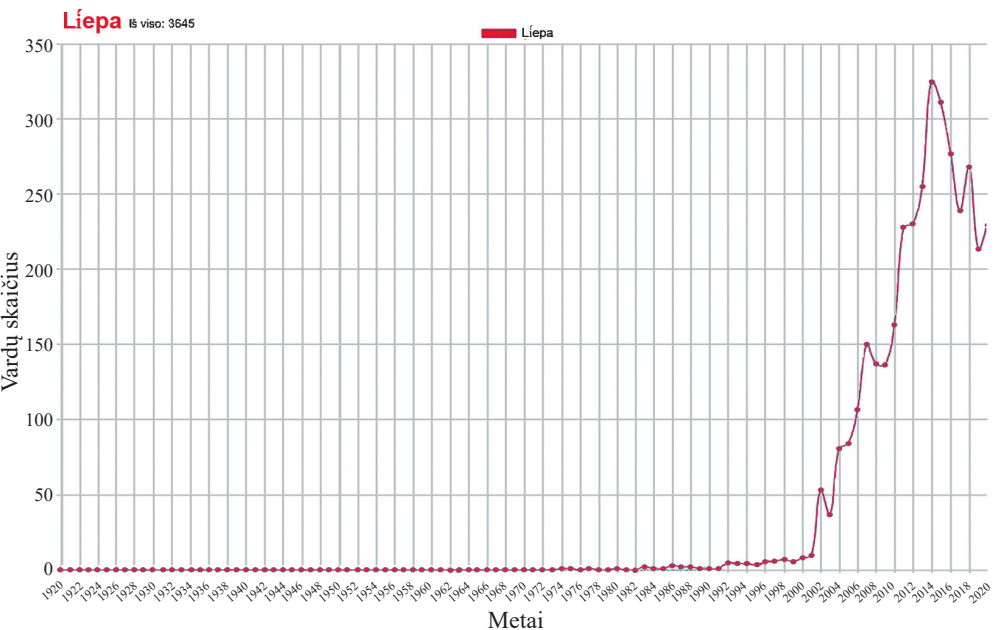
Ил. 1. *Aušrą*

Ил. 2. *Dañnius*

Ил. 3. Jōris

Ил. 4. Līepa

Имена, появившиеся в обиходе в 1980–1990-е гг., большого распространения не получили (возможно, пока). Говорить о пике популярности имен, возникших в последние два десятилетия, очевидно, пока преждевременно.

Вероятно, актуальность тех или иных имен обусловлена семантикой, на которой мы остановимся подробнее.

Семантика личных имен

Рассмотрим подробнее ранее выделенные группы имен.

I. Личные имена, производные от апеллятивов

1. Имена, производные от названий природных объектов и явлений, представителей флоры и фауны

1.1. Имена, производные от названий природных объектов и явлений

Самая многочисленная категория «природных» имен — имена, обозначающие стихии и природные явления. Для удобства анализа разделим их на еще более мелкие подгруппы:

- элементы водной стихии и водные объекты: *Bangà*, ж. (127), *Banguòlè*, ж. (37) / *Banguòlis*, м. (2) < *bangà*, ж. ‘волна’⁸; *Jūra*, ж. (216) / *Jūris*, м. (78), *Jūras*, м. (31) < *jūra*, ж. ‘море’; *Liūnė*, ж. (8) < *liūnas*, м. ‘топь, трясина’; *Mārius*, м. (17 535) < *mārios*, ж. ‘море’; *Rasà*, ж. (21 804), *Rasuòlė*, ж. (228), *Rasėlė*, ж. (130), *Rasūtė*, ж. (277) / *Rāsius*, м. (101) < *rasà*, ж. ‘роса’; *Šaltinis*, м. (1) < *šaltinis*, м. ‘источник’; *Ūpė*, ж. (217) < *ùpė*, ж. ‘река’; *Verdėnė*, ж. (3) < *verdėnė*, ж. ‘родник’;

- погодные явления (воздушная стихия): *Aũdrius*, м. (11 942), *Aũdris*, м. (102), *Audrõnis*, м. (267) / *Áudra*, ж. (1 145), *Aũdrė*, ж. (145), *Audrõnė*, ж. (8 327) < *audrà*, ж. ‘буря’; *Kaitrà*, ж. (1) < *kaitrà*, ж. ‘жара, зной’; *Miglė*, ж. (6 778), *Miglà*, ж. (43) / *Miglius*, м. (66), *Miglas*, м. (1) < *miglà*, ж. ‘туман’; *Rūkas*, м. (8) < *rūkas*, м. ‘мгла, туман’; *Šalnà*, ж. (2) < *šalnà*, ж. ‘заморозки’; *Šiàurė*, ж. (3) < *šiàurė*, ж. ‘север’ / *Šiaurys*, м. (3) < *šiaurys*, м. ‘северный ветер’; *Ūkas*, м. (12) / *Ūkà*, ж. (1), *Ūkana*, ж. (1) < *ūkas*, м. ‘туман, мгла’; *Vėjas*, м. (517), *Vėjus*, м. (30), *Vėjūnas*, м. (26) / *Vėja*, ж. (115), *Vėjūna*, ж. (21), *Vėjūnė*⁹, ж. (265) < *vėjas*, м. ‘ветер’; *Vėtra*, ж. (36), *Vėtrė*, ж. (18) < *vėtra*, ж. ‘буря’; *Viesulas*, м. (15) < *viesulas*, м. ‘вихрь’;

⁸В круглых скобках указывается количество употреблений имени за сто лет. В случае, если есть несколько суффиксальных вариантов имени, они указываются через запятую. Если существуют парные мужские и женские варианты одного имени, они приводятся в списке через слеш.

⁹Это имя также может быть производным от названия однолетнего растения *Malcolmia africana*, в свою очередь, восходящего к обозначению ветра.

▪ осадки (и их последствия): *Lietùs*, м. (1) < *lietùs*, м. ‘дождь’; *Pùsnė*, ж. (2) < *pusnìs*, ж. ‘сугроб’; *Snaigė*, ж. (58), *Snaigūnė*, ж. (5) < *snaigė*, ж. ‘снежинка’; *Sniėgas*, м. (1) / *Sniėgà*, ж. (14), *Sniėgė*, ж. (37) < *sniėgas*, м. ‘снег’; *Šėrkšnas*, м. (1) < *šėrkšnas*, м. ‘иней’;

▪ небо и небесные явления: *Aušrà*, ж. (14 049), *Aūšrė*, ж. (26), *Aušrėlė*, ж. (402) / *Aušrỹs*, м. (92), *Aūšrius*, м. (98) < *aušrà*, ж. ‘заря’; *Danguōlis*, м. (10), *Daňgis*, м. (159) / *Daňgė*, ж. (51), *Danguōlė*, ж. (8 630) < *dangùs*, м. ‘небо’; *Prāgiedrulis*, м. (3) < *prāgiedrulis*, м. ‘проблеск, просвет в небе’; *Vaivorykštė*, ж. (1) < *vaivorykštė*, ж. ‘радуга’; *Žarà*, ж. (10) < *žarà*, ж. ‘заревое’; *Žai̯bas*, м. (1) < *žai̯bas*, м. ‘молния’; *Žvaigždžius*, м. (1) < *žvaigždė*, ж. ‘звезда’;

▪ элементы ландшафта: *Girėnė*, ж. (2) / *Giris*, м. (1) < *girià*, ж. ‘лес’; *Kal̯nius*, м. (5) < *kal̯nas*, м. ‘гора’; *Raistė*, ж. (1) < *raistas*, м. ‘болотистый лесок’; *Salà*, ж. (1) < *salà*, ж. ‘остров’; *Šilė*, ж. (3) < *šilas*, м. ‘бор’; *Žėmė*, ж. (1) < *žėmė*, ж. ‘земля’;

▪ камни и металлы: *Akmėjus*, м. (3) < *akmuō*, м. ‘камень’; *Áuksė*, ж. (3 044), *Auksuōlė*, ж. (125) / *Aūksius*, м. (2), *Auksuōlis*, м. (7) < *áuksas*, м. ‘золото’; *Giñtaras*, м. (13 715) / *Giñtarė*, ж. (10 324) < *giñtaras*, м. ‘янтарь’;

▪ свет и огонь: *Šviesà*, ж. (8) < *šviesà*, ж. ‘свет’; *Ūgnė*, ж. (8 720) / *Ūgnius*, м. (2 716) < *ugnìs*, ж. ‘огонь’.

Как видно, чаще всего имена связаны с водной и воздушной стихиями (ср. несколько вариантов имен, обозначающих туман и ветер). Самые популярные имена в этой категории: *Rasà*, ж. (21 804) < *rasà*, ж. ‘роса’, *Mārius*, м. (17 535) < *mārius*, ж. ‘море’, *Aušrà*, ж. (14 049) < *aušrà*, ж. ‘заря’, *Giñtaras*, м. (13 715) < *giñtaras*, м. ‘янтарь’, *Aūdrius*, м. (11 942) < *audrà*, ж. ‘буря’. Все эти имена вошли в употребление в 1920–1940-е гг., пик популярности имели в 1970–1980-е гг., спад — к 2000-м гг. Имя *Rasà* своей распространенностью, возможно, обязано связанным с ним мифологическим коннотациям: в литовской мифологии (в мифе о любовном треугольнике Месяца, Солнца и Утренней Зари¹⁰) роса считается проявлением языческой богини Аушрине (Утренней Звезды). Аппеллятив «роса» содержит также название языческого праздника летнего солнцестояния *Rasōs šven̯tė*¹¹. Имя *Aušrà* тоже имеет

¹⁰Подробнее об этом мифологическом сюжете см. [Топоров 1982: 154; Завьялова, Цивьян 2010].

¹¹По данным Р. Паукштите-Шакнене [см.: Šventės: 267–268], это название праздника — позднего происхождения: его ввел в обиход Т. Нарбутт, отождествив с топонимом (одноименным названием местности). Термин закрепился в литовской традиции и в современном употреблении даже противопоставляется «официальному» названию (*Joninės*), обозначая «сакральный» праздник для избранных [Ibid.: 269]. В качестве реабилитации мотивации названия праздника стоит упомянуть, что множество купальских обрядов и поверий связано с росой.

богатые коннотации: помимо обозначения природного явления, оно может считаться кратким вариантом имени богини зари Аушрине; это имя в Литве имеют несколько географических объектов, а также множество периодических изданий (в том числе наиболее известное — первая газета на литовском языке, издававшаяся в конце XIX в.). Имя зафиксировано и среди древних литовских прозвищ. Мужское имя *Mārius*¹² допускает двойное толкование: оно может быть связано как с лит. *mārios* ‘море’ [Vardai VLKK], так и с лат. *mare* ‘то же’ [Kuzavinis & Savukynas 1994: 264]. Популярность имени *Giñtaras*, возможно, объясняется особой ролью янтаря как символа балтийской культуры. Сложнее интерпретировать популярность мужского имени *Aūdrius*, тем более что исходный апеллятив *audrà* ‘буря’ в литовском языке — женского рода (женский вариант этого имени в десять раз менее популярен).

Следует отметить, что имена в этой группе в отличие от других «природных» имен (например, производных от названий растений) чаще имеют тенденцию к образованию парных вариантов, например: *Áuksė*, ж. (3 044) / *Aũksius*, м. (2); *Danguõlė*, ж. (8 630) / *Danguõlis*, м. (10); *Miglė*, ж. (6 778) / *Miglius*, м. (66); *Vėja*, ж. (115) / *Vėjas*, м. (517); и под. Пары образует почти половина имен этой группы (45 %). Как правило, бóльшая популярность мужского или женского варианта коррелирует с грамматическим родом исходного слова. Исключения (помимо уже приведенного *Aūdrius*): намного более популярны, чем аналогичные мужские, женские имена *Danguõlė* (8 630) и *Áuksė* (3 044), хотя исходные лексемы — мужского рода (*áuksas* ‘золото’ и *dangùs* ‘небо’). Эти имена некоторые исследователи считают переводными эквивалентами лат. *Celestina* и *Aurelia* [Kuzavinis & Savukynas 1994: 86, 111]. Зафиксировано также женское имя (при отсутствии мужского варианта) *Raĩstė* (1), хотя исходное слово — мужского рода (*raĩstas* ‘болотистый лесок’).

Несмотря на то что пик популярности основного корпуса имен этой группы пришелся на 1960–1970-е гг., она остается весьма продуктивной и сейчас. В последние два десятилетия группа пополнилась такими именами, как *Akmėjus*, м. (3) < *akmuõ*, м. ‘камень’ — 2013 г., *Giris*, м. ‘Лес’ (1) — 2009 г., *Kaitrà* ‘Жара’, ж. (1) — 2010 г., *Pùsnė*, ж. (2) < *pusnìs*, ж. ‘сугроб’ — 2008 г., *Raĩstė*, ж. (1) < *raĩstas*, м. ‘болотистый лесок’ — 2002 г., *Rũkas*, м. (8) ‘мгла, туман’ — 1998 г., *Vaivorykštė*, ж. ‘Радуга’ (1) — 2000 г., *Žėmė*, ж. ‘Земля’ (1) — 2010 г. В 2020 г. впервые зафиксировано употребление мужского имени *Sniėgas* ‘Снег’ (1), хотя оно фигурировало когда-то в качестве прозвища, а женский вариант *Sniėgà* (14) употреблялся с 1962 г., *Sniėgė* (37) — с 1940 г.

¹²Связи с женским заимствованным именем *Marija* литовские исследователи в этом случае не усматривают [Kuzavinis & Savukynas 1994: 263].

Также в 2006 г. вошло в употребление имя *Ūkas* ‘Туман’ (12), существовавшее когда-то в виде прозвища (женский вариант *Ūkā* (1) появился в 2020 г.). Подобным образом имена *Šaltinis*, м. ‘Источник’ (1) — 1998 г., *Šeikšnas*, м. ‘Иней’ (1) — 2007 г. — когда-то были прозвищами. Еще ранее в XX в. стали именами также древние прозвища: *Žaras* (в женской форме *Žarà*) — 10 < *žarà*, ж. ‘зарев’), *Šalnà* (2) < *šalnà*, ж. ‘заморозки’, *Liūnas* (в женской форме *Liūnė*) (8) < *liūnas*, м. ‘топь, трясина’, *Jūras* (31) < *jūra*, ж. ‘море’, *Kal̃nius* (5) < *kal̃nas*, м. ‘гора’.

Следует особо отметить имена данной группы, не потерявшие своей актуальности, несмотря на долгие годы использования. Это имя *Auksė*, ж. ‘Золото’ (3 044), вошедшее в употребление в 1929 г. и имевшее пик популярности в 2010 г. (спустя десять лет популярность не спадает, в 2020 г. так назвали 48 девочек). До сих пор популярно и появившееся в 1945 г. имя *Miglė*, ж. ‘Туман’: пик популярности — в 1997 г., в 2020 г. так назвали 99 новорожденных. Остаются очень распространенными имена *Ūgnė*, ж. (8 720) и *Ūgnius*, м. (2 716) ‘Огонь’, появившиеся в 1960-е гг. и имевшие пики популярности в 2010-е гг. Возникли позже, но также стали очень популярными в последнее время имена, обозначающие потоки воздуха: *Vėjas*, м. ‘Ветер’ (517) (пик — в 2011 г.), *Vėja*, ж. (115) (пик — в 2019 г.), *Vėtra*, ж. ‘Буря’ (36) (пик — в 2020 г.), *Viesulas*, м. ‘Вихрь’ (15) (пик — в 2019 г.), а также «водное» имя *Ūpė*, ж. ‘Река’ (217) (пик — в 2020 г.).

1.2. Имена, производные от названий растений

Группа «растительных» личных имен является одной из самых многочисленных. В нее входят антропонимы, производные от обозначений деревьев, кустарников, растений, цветов, трав и ягод. Ниже приведен список имен с распределением по номенклатурным группам, к которым относятся исходные апеллятивы:

- деревья (и их части): *Ąžuolas*, м. (1 891) / *Ąžuolė*, ж. (2) < *ąžuolas*, м. ‘дуб’; *Béržas*, м. (4) < *béržas*, м. ‘береза’; *Ėglė*, ж. (14 576) < *ėglė*, ж. ‘ель’; *Gilė*, ж. (61) < *gilė*, ж. ‘желудь’; *Glūosnė*, ж. (25) < *glūosnis*, м. ‘ива’; *Jōvaras*, м. (86) < *jōvaras*, м. ‘явор, клен белый’; *Klėvas*, м. (7) < *klėvas*, м. ‘клен’; *Liepa*, ж. (3 645) < *liepa*, ж. ‘липа’; *Pūtinas*, м. (14) < *pūtinas*, м. ‘калина’; *Ūosis*, м. (46) < *uosis*, м. ‘ясень’; *Žilvitis*, м. (1) / *Žilvitė*, ж. (9) < *žilvitis*, м. ‘ива’;

- травянистые растения и злаки: *Ėndrė*, ж. (8 144) < *ėndrė*, ж. ‘тростник’; *Liñas*, м. (10 076) / *Liña*, ж. (23 904) < *liñas*, м. ‘лен’; *Mėldas*, м. (15), *Mėldutis*, м. (4) / *Mėlda*, ж. (16) < *mėldas*, м. ‘камыш’; *Mėt̃a*, ж. (1 300) < *mėt̃a*, ж. ‘мята’; *Nėndrė*, ж. (6) < *nėndrė*, ж. ‘тростник’; *Rugilė*, ж. (5 034) < *rugiaĩ*, м. ‘рожь’; *Smilga*, ж. (4), *Smilgė*, ж. (3) < *smilga*, ж. ‘полевица’;

▪ цветковые растения: *Aguonà*, ж. (4) < *aguonà*, ж. ‘мак’; *Bijūnas*, м. (10) < *bijūnas*, м. ‘пион’; *Dóbilas*, м. (46) / *Dóbilė*, ж. (9) < *dóbilas*, м. ‘клевер’; *Gėlė*, ж. (15), *Gėlà*, ж. (1) < *gėlė*, ж. ‘цветок’; *Lūknė*, ж. (2 217), *Lūgnė*, ж. (32), *Lūgnė*, ж. (3) / *Lūknius*, м. (7), *Lūgnius*, м. (1) < *lūknė*, ж. ‘кувшинка’; *Neužmirštuolė*, ж. (1) < *neužmirštuolė*, ж. ‘незабудка’; *Radastà*, ж. (4) < *radastà*, ж. ‘дейция’; *Ramūnė*, ж. (5 759) < *ramūnė*, ж. ‘ромашка’; *Rūtà*, ж. (13 878), *Rūtėlė*, ж. (60) < *rūtà*, ж. ‘рута’; *Rūtėnis*, м. (203) < *rūtėnis*, м. ‘хохлатка, *Corydalis*’; *Saulėnis*, м. (10) / *Saulėnė*, ж. (65) < *saulėnis*, м. ‘солнцецвет’; *Smiltė*, ж. (2 805) < *smiltė*, ж. ‘песчанка’; *Snieguolė*, ж. (1 356) < *snieguolė*, ж. ‘подснежник’; *Žibuoklė*, ж. (19) < *žibuoklė*, ж. ‘печеночница’; *Žibuolė*, ж. (8) < *žibuolė*, ж. ‘печеночница’; *Žibutė*, ж. (271) < *žibutė*, ж. ‘фиалка’; *Žydrė*, ж. (467) < *žydrė*, ж. ‘гадючий лук’; *Žydrūnė*, ж. (1 118) < *žydrūnė*, ж. ‘василек’; *Žydrūnas*, м. (4 781) < *žydrūnis*, м. ‘агератум’; *Žiedė*, ж. (114), *Žieda*, ж. (11), *Žiedūna*, ж. (43) < *žiedas*, м. ‘цветок’;

▪ ягоды: *Brūknė*, ж. (12) < *brūknė*, ж. ‘брусника’; *Vaivorà*, ж. (1) < *vaivóras*, м. ‘голубика’.

Как видно, наибольшее количество имен этой группы связано с названиями цветковых растений, и большинство их — ожидаемо — женского рода. За счет этого соотношение женских и мужских имен в этой группе несколько иное, чем в целом: 70 % женских имен и 30 % — мужских.

Возможно, популярность некоторых «цветочных» имен определяется еще и прозрачностью номинативных моделей многих названий растений, что создает возможность двойного толкования: например, целый ряд имен образован от корня *žydr-* со значением голубого цвета, соответствующие цветы также голубые (*Žydrė*, ж. ‘Гадючий лук’, *Žydrūnė*, ж. ‘Василек’, *Žydrūnas*, м. ‘Агератум’). Имена *Žibuoklė*, ж., *Žibuolė*, ж., *Žibutė*, ж. образованы от основы *žib-*, означающей ‘блеск, сияние’ (ср. *žibėti* ‘блестеть, сверкать, лучиться’).

Имена *Saulėnis*, м., *Saulėnė*, ж. имеют корень *saul-* со значением ‘солнце’. Очевидно также (как и в русском языке) происхождение названий цветов *neužmirštuolė* ‘незабудка’, *smiltė* ‘песчанка’, *snieguolė* ‘подснежник’. Следует заметить, что, несмотря на одинаковый корень, некоторые имена отсылают к разным растениям: ср. *Rūtà*, ж. ‘Рута’ ~ *Rūtėnis*, м. ‘Хохлатка’; *Žydrūnė*, ж. ‘Василек’ ~ *Žydrūnas*, м. ‘Агератум’.

Некоторые имена, производные от названий травянистых растений и деревьев, образуют пары с одинаковым значением: *Ąžuolas*, м. (1 891) / *Ąžuolė*, ж. (2) ‘Дуб’; *Dóbilas*, м. (46) / *Dóbilė*, ж. (9) ‘Клевер’; *Linas*, м. (10 076) / *Linà*, ж. (23 904) ‘Лен’; *Mėldas*, м. (15), *Mėldūtis*, м. (4) / *Mėlda*, ж. (16) ‘Камыш’; *Lūknius*, м. (7) / *Lūknė*, ж. (2 217) ‘Кувшинка’; *Žilvītis*, м. (1) / *Žilvità*, ж. (9) ‘Ива’.

Распространенность таких имен в качестве мужского или женского антропонима зависит от грамматического рода исходного апеллятива: например,

Ąžuolas ‘Дуб’ — мужского рода, что определило намного бóльшую популярность мужской формы имени, тогда как женская форма имеет всего два употребления. То же можно сказать о форме имени *Dóbilas* ‘Клевер’. Очень популярное женское имя *Lùknė* ‘Кувшинка’, образованное от апеллятива женского рода, имеет мужской эквивалент *Lùknius*, встречающийся гораздо реже. Однако бывают и обратные случаи: женское имя *Linà* в два раза популярнее мужского эквивалента *Linas* ‘Лен’, несмотря на то что апеллятив со значением ‘лен’ в литовском языке — мужского рода. Это связано с тем, что женское имя может толковаться и как сокращенный вариант заимствованных имен с элементом *-lina* (например, *Karolina*, *Paulina*) [Kuzavinis & Savukynas 1994: 250]. Несмотря на мужской род апеллятива, наиболее популярны также женские варианты в парах *Saulėnė* / *Saulėnis*, *Žilvitė* / *Žilvitis*. Встречаются и несоответствия грамматического рода: например, существует женское имя *Glūsienė* (< *glūsnis* ‘ива’ — м. р.) при отсутствии мужского эквивалента. То же мы наблюдаем в случаях *Rugilė*, ж. < *rugiai*, м. ‘рожь’, *Vaivorà*, ж. < *vaivóras*, м. ‘голубика’, *Žiedė*, ж. < *žiedas*, м. ‘цветок’.

В целом заметно, что среди мужских имен больше обозначений деревьев, среди женских — цветов и трав.

Наиболее популярными именами этой группы являются *Linà*, ж. ‘Лен’ (23 904), *Ėglė*, ж. ‘Ель’ (14 576), *Rūtà*, ж. ‘Рута’ (13 878), *Linas*, м. ‘Лен’ (10 076). Это неудивительно, поскольку лен и рута являются ключевыми растениями для литовской народной культуры, символами литовской идентичности. Ель имеет сильные мифологические коннотации: это имя героини знаменитой литовской сказки «Эгле — королева ужей». Однако сейчас большинство этих имен не используется: пик их популярности пришелся на 1970–1990-е гг. и теперь идет на спад. Наоборот, рост популярности зафиксирован в последние годы у имен *Liepa* ‘Липа’, *Lùknė* ‘Кувшинка’, *Rugilė* ‘Рожь’, *Smiltė* ‘Песчанка’, *Ąžuolas* ‘Дуб’, *Jōvaras* ‘Явор’. Два последних имени имеют яркие мифологические коннотации: соответствующие деревья очень популярны в фольклоре и народной обрядности. Популярность имени *Lùknė*, возможно, объясняется двойной интерпретацией этого имени: помимо растения, оно связано с гидронимом¹³. То же можно сказать и об имени *Liepa*, имеющем также значение ‘Июль’.

В последнее время вошли в обиход и, видимо, еще не набрали популярность имена *Aguonà*, ж. ‘Мак’ (2017), *Brùknė*, ж. ‘Брусника’ (2009), *Gilė*, ж. ‘Желудь’ (2005), *Smilga*, ж. ‘Полевица’ (2009). Прослеживается тенденция

¹³В. Ванагас допускает, что растительная семантика могла быть первичной и дала имя реке [Vanagas 1981: 197].

к появлению парных по роду имен, ср. появление в последние два десятилетия парных женских имен к существовавшим мужским: *Ažuōlė* (2008) к мужскому *Ažuolas*, парного мужского *Lūknius* (2013) к женскому *Lūknė*.

В группе личных имен, образованных от растений, обнаруживается максимальное количество совпадений со старыми прозвищами [Zinkevičius 2008], что показывает их непреходящую актуальность для литовской культуры: *Aguonà*, ж. 'Мак', *Ažuolas*, м. 'Дуб', *Beržas*, м. 'Береза', *Brūknė*, ж. 'Брусника', *Dóbilas*, м. 'Клевер', *Ėglė*, ж. 'Ель', *Glúosnis*, м. 'Ива', *Jōvaras*, м. 'Явор', *Liėpa*, ж. 'Липа', *Linas*, м. 'Лен', *Pùtinas*, м. 'Калина', *Rūtà*, ж. 'Рута', *Smilga*, ж. 'Полевица', *Úosis*, м. 'Ясень', *Žiedas*, м. 'Цветок', *Žilvītis*, м. 'Ива'.

Примечательно, что в этом списке мы находим не только имена, популярные в середине столетия, но и те, которые вошли в употребление в последние годы. Таким образом, новое оказывается хорошо забытым старым: имена, зафиксированные в XVI в., обретают второе рождение через 500 лет.

1.3. Имена, производные от названий представителей фауны

Совсем иная ситуация в случае с личными именами, образованными от названий представителей фауны. Таких антропонимов очень мало по сравнению с предыдущей группой, и они в целом малоупотребительны. Ниже представлен список этих имен:

- животные: *Élnis*, м. (1) < *élnias*, м. 'олень'; *Liūtas*, м. (6) < *liūtas*, м. 'лев'; *Taūras*, м. (1 223) / *Taūrė*, ж. (3) < *taūras*, м. 'бык'; *Ūdrỹs*, м. (16) < *ūdrỹs*, м. 'выдра';
- птицы: *Arūnas*, м. (18 500) / *Arūnė*, ж. (587) < *arūnas*, м. 'орел'; *Dagilė*, ж. (2) < *dagilis*, м. 'щегол'; *Genỹs*, м. (1) < *genỹs*, м. 'дятел'; *Kóvas*, м. (27) < *kóvas*, м. 'грач'; *Lakštūtė*, ж. (5) < *lakštūtė*, ж. 'соловушка'; *Sākalas*, м. (15) < *sākalas*, м. 'сокол'; *Volungė*, ж. (1) < *volungė*, ж. 'иволга'; *Zylė*, ж. (1) < *zylė*, ж. 'синица'; *Vyturỹs*, м. (8) < *vyturỹs*, м. 'жаворонок';
- насекомые: *Bītė*, ж. (16) < *bītė*, ж. 'пчела'.

Немногочисленность таких имен, впрочем, тоже показательна, особенно на фоне большого разнообразия имен, связанных с флорой, а также учитывая то, что средневековых прозвищ на основе названий животных было значительно больше. Как видно, наибольшая часть имен этой группы происходит от названий птиц, причем мужских имен больше, чем женских. «Зоологические» имена вообще чаще даются мальчикам, ср. количество употреблений мужского имени *Arūnas* (< *āras* 'орел') и его женского эквивалента *Arūnė*. Имя *Arūnas* является практически единственным распространенным антропонимом из этой группы. Также некоторую популярность имеет *Taūras*

‘Бык’ — возможно, из-за созвучия с литовским прилагательным *taurūs* ‘благородный’. Оба эти имени вошли в употребление в 1930-е гг., но пик популярности первого пришелся на конец 1960-х гг., а второе приобрело особое распространение в последние годы.

Практически все женские имена данного типа связаны с птицами: ‘Соловушка’, ‘Щегол’, ‘Иволга’, ‘Синица’. Грамматический род при этом не всегда оказывается определяющим: в литовском языке *dagilis* ‘щегол’ — мужского рода, в то время как в настоящее время зафиксировано только женское имя с этим значением.

В качестве старых прозвищ фигурировала почти половина этих имен: *Taūras*, м. ‘Бык’, *Bitė*, ж. ‘Пчела’, *Dagilis*, м. ‘Щегол’, *Ėlnis*, м. ‘Олень’, *Ūdra*, ж. ‘Выдра’, *Sākalas*, м. ‘Сокол’, *Volungė*, ж. ‘Иволга’. Однако последнее *Volungė* в виде имени вошло в употребление только в 2010 г.

В последнее время появилось еще одно новое «птичье» имя — *Kóvas* ‘Грач’, ставшее уже довольно популярным. Возможно, оно станет еще более употребительным из-за двойного значения: *kóvas* в литовском обозначает еще и ‘месяц март’¹⁴.

1.4. Имена, производные от наименований отрезков времени

В эту группу имен входят всего 12 антропонимов. Три из них производны от обозначений месяцев: *Grúodis*, м. (5) / *Grúodė*, ж. (10) < *grúodis*, м. ‘декабрь’; *Vasāris*, м. (54) / *Vasārė*, ж. (362) < *vasāris*, м. ‘февраль’; *Kóvas*, м. (27) < *kóvas*, м. ‘март’ (второе значение — ‘грач’). К этим именам можно причислить еще и очень популярное имя *Liepa* (3 645) < *liepa* ‘июль’, имеющее также значение ‘липа’ (см. его описание выше). Два имени производны от обозначений времен года: *Pavāsaris*, м. (2) < *pavāsaris*, м. ‘весна’; *Vāsara*, ж. (28) < *vāsara*, ж. ‘лето’. Наиболее распространенные имена восходят к названиям времени суток: *Naktis*, ж. (2) < *naktis*, ж. ‘ночь’; *Rỹtis*, м. (4 473) / *Rỹtė*, ж. (222) < *rỹtas*, м. ‘утро’; *Vakāris*, м. (2 009) / *Vakārė*, ж. (1 735) < *vākara*, м. ‘вечер’. Мужские и женские имена распределяются тут поровну, но не все образуют пары: ср. *Rỹtis* / *Rỹtė*, *Vakāris* / *Vakārė*, однако *Naktis* ‘Ночь’ имеет только женский вариант. Также нет эквивалентов в другом роде у имен *Pavāsaris*, м. ‘Весна’, *Vāsara*, ж. ‘Лето’ и *Kóvas*, м. ‘Март’. Большинство этих имен находят соответствия среди старых прозвищ, ср.: *Vakaris*, *Rytelis*, *Gruodis*, *Pavasaris*, *Vasaris* [Zinkevičius 2008].

¹⁴ *Kovas* также упоминается Нарбуттом в качестве имени бога войны (ср. лит. *kovà* ‘борьба’), но это не подтверждается другими источниками [MT 2: 282].

Производящие для наиболее распространенных имен *Rỹtis*, м. (4 473) и *Vakāris*, м. (2 009) / *Vakārė*, ж. (1 735) полисемичны: помимо ‘утро’ и ‘вечер’, они также означают ‘восточный ветер’ и ‘западный ветер’ (от *rytāĩ* ‘восток’ и *vakarāĩ* ‘запад’). Относительно частотное *Vasārė*, ж. (362) связано не только с названием месяца *vasāris*, м. ‘февраль’, но и с названием сезона *vāsara*, ж. ‘лето’ (что объясняет бóльшую популярность женского варианта имени — поскольку ‘лето’ в литовском языке женского рода).

Несмотря на то что основная часть этих имен используется довольно давно (их первое употребление зафиксировано в 1930–1960-е гг.), пик их популярности приходится на последние два десятилетия, особенно популярны *Vakāris* и *Vakārė* (в 2020 г. так назвали 107 мальчиков и 108 девочек). В последнее двадцатилетие в обиход вошли имена *Grūodė*, *Grūodis* и *Pavāsaris*, еще не набравшие популярность.

2. Имена, производные от характеристик

Самая многочисленная группа среди «неприродных» личных имен — имена, производные, с одной стороны, от названий качеств человека; с другой стороны — от названий абстрактных свойств, качеств, понятий, чувств. Несмотря на многочисленность, соответствующие имена употребляются довольно редко. Отдельную группу характеристик составляют имена, значения которых связаны со звуком: среди них самые популярные в этой категории антропонимы *Aldonà*, ж. (23 071) / *Aldōnas*, м. (36) < *aldėti* ‘звучать, раздаваться эхом’; *Daĩnius*, м. (10 358), *Daĩnotas*, м. (39) / *Dainà*, ж. (1 741), *Daĩnė*, ж. (78) < *dainà*, ж. ‘песня’, *daĩnius*, м. ‘певец’; *Áidas*, м. (4 629) / *Áida*, ж. (2 326) < *áidas*, м. ‘эхо’. К этим распространенным именам примыкает также единичное женское имя *Gaĩsė* (1) < *garsĩ* ‘громкая, знаменитая’ < *gaĩsas* ‘звук’, впервые зафиксированное в 2008 г. Большое количество употреблений имени *Aldonà* связано с длительностью его использования: в XX в. оно фиксируется с 1909 г., однако его история восходит к XIV в. — так звали дочь великого литовского князя Гедиминаса, ставшую в 1333 г. польской королевой [VLE]. Пик популярности этого имени приходится на 1950-е гг., к 2000-м гг. его употребление практически сходит на нет.

Иная история у имени *Áidas*: оно рано появилось (1929), пик популярности пережило в 1970-е гг. и до сих пор остается довольно востребованным (в 2020 г. это имя получили 29 мальчиков).

Вероятно, имена с семантикой звука — отголосок большого количества прозвищ с тем же значением (по данным З. Зинкявичюса, их насчитывается около 500 [Zinkevičius 2008: 577]).

Остальные имена в этой группе можно разделить на следующие рубрики.

2.1. Имена, связанные с внешними параметрами

- свет, яркость, ясность: *Aiškūtė*, ж. (1) / *Aiškūtis*, м. (2) < *aiškus* ‘ясный, понятный’; *Giėdrė*, ж. (8 062) / *Giėdrius*, м. (10 335), *Giedrūtis*, м. (28) < *giėdras* ‘ясный, светлый’; *Mirga*, ж. (34) < *mirgėti* ‘мерцать’; *Skaīdrė*, ж. (289), *Skáidra*, ж. (153), *Skaidruōlė*, ж. (17) / *Skaīdris*, м. (4) < *skaidrūs* ‘прозрачный, светлый’; *Skaīstė*, ж. (2 554); *Skaistuōlė*, ж. (36), *Skaistūtė*, ж. (45) / *Skaīstis*, м. (21), *Skaistuōlis*, м. (2), *Skaistūtis*, м. (9) < *skaistūs* ‘светлый, чистый’; *Šviedrỹs*, м. (3) < *šviedrūs* ‘блестящий, сверкающий’; *Šviesuōlė*, ж. (13), *Šviėšė*, ж. (2) / *Šviesūtis*, м. (3) < *šviesà*, ж. ‘свет’;
- цвет: *Rūstė*, ж. (44) / *Rustėnis*, м. (7) < *rūstas* ‘карий, бурый’; *Žydrūnas*, м. (4 781) / *Žydrūnė*, ж. (1 118); *Žydrė*, ж. (467) < *žydras* ‘голубой’¹⁵;
- рост: *Aūgas*, м. (1), *Aūgis*, м. (96), *Augūtis*, м. (47) / *Aūgė*, ж. (15), *Augūna*, ж. (2), *Augūtė*, ж. (81) < *augūs* ‘рослый’;
- красота: *Daīlė*, ж. (19) / *Daīlius*, м. (28) < *dailūs* ‘пригожий’; *Gražūtė*, ж. (47) / *Gražūtis*, м. (5) < *gražūs* ‘красивый’;
- молодость: *Jaūnė*, ж. (19), *Jaunūtė*, ж. (6) / *Jaūnius*, м. (714), *Jaunūtis*, м. (81) < *jáunas* ‘молодой’; *Gaivà*, ж. (134) < *gaivūs* ‘свежий’;
- быстрота, подвижность: *Greitūtė*, ж. (1) < *greītas* ‘быстрый’; *Judrà*, ж. (4), *Jūdrė*, ж. (29) / *Jūdris*, м. (1) < *judrūs* ‘подвижный’; *Nėris*, ж. (17) < *nėrti* ‘погружаться в воду, нырять’; *Traidėnis*, м. (3) < *traīdalioti* ‘беспокоиться, горячиться’¹⁶.

2.2. Имена, связанные с внутренними качествами

- смелость: *Drąsūtis*, м. (154) / *Drąsūtė*, ж. (73) < *drąsūs* ‘смелый’; *Narsūtis*, м. (17) < *narsūs* ‘храбрый’;
- сила: *Gajā*, ж. (85) < *gajì* ‘выносливая’; *Galià*, ж. (61) < *galià* ‘сила’;
- ум: *Gūdrė*, ж. (3) < *gudrūs* ‘умный, хитрый’;
- свобода, независимость: *Laīšvis*, м. (40), *Laisvūnas*, м. (178) / *Laisvà*, ж. (18), *Laīšvė*, ж. (90), *Laisvūnė*, ж. (49) < *laīšvas* ‘свободный’;
- благородство: *Taūrius*, м. (47) / *Taurė*, ж. (3) < *taurūs* ‘честный, благородный’; *Kilnà*, ж. (1), *Kilnė*, ж. (1), *Kilnūtė*, ж. (3) < *kilni* ‘благородная’;
- справедливость: *Teisūtė*, ж. (8) / *Teisūtis*, м. (124) < *teisūs* ‘справедливый, правдивый’;

¹⁵Имена с этим корнем могут быть также связаны с названиями растений (см. соответствующий раздел).

¹⁶Это имя принадлежит литовскому князю, жившему в XIII в.

- радость, веселье: *Džiugas*, м. (1 629) / *Džiugà*, ж. (20) < *džiugùs* ‘радостный’; *Linksmuõlè*, ж. (3) / *Linksmuõlis*, м. (1) < *liñksmas* ‘веселый’;
- чувствительность: *Jaũsmè*, ж. (2) < *jaũsmas* ‘чувство’; *Jáutra*, ж. (4), *Jaũtrè*, ж. (1) < *jautrùs* ‘чувствительный’;
- любезность: *Meilùtè*, ж. (601) < *meilùs* ‘ласковый, любезный’; *Malónè*, ж. (1) < *malónè* ‘милость’, *malonùs* ‘приятный’;
- спокойствие: *Ramùnas*, м. (10 064), *Ramùtis*, м. (652) / *Ramùnè*, ж. (331), *Ramùtè*, ж. (4 652) < *ramùs* ‘спокойный’;
- властность, доминирование: *Rèdà*, ж. (109) < *rèdà* ‘порядок’; *Valdōnas*, м. (2) / *Valdōnè*, ж. (347) < *valdōnas* ‘властитель, повелитель’; *Gúoda*, ж. (1 136) < *gúoda* ‘слава, уважение’.

2.3. К этим характеристикам примыкают имена, производные от слов, обозначающих абстрактные свойства, качества, чувства:

- желание, грусть: *Merùnas*, м. (100) < *merėti* ‘желать, грустить’;
- мечта, надежда: *Svajōnè*, ж. (203), *Svajūnè*, ж. (348) / *Svajūnas*, м. (2 522) < *svajōnè*, ж. ‘мечта’; *Viltè*, ж. (4 893), *Viltis*, ж. (5) < *viltis*, ж. ‘надежда’;
- любовь: *Mèilè*, ж. (142) < *mèilè* ‘любовь’;
- слезы: *Āšara*, ж. (2), *Ašarytè*, ж. (1) < *āšara*, ж. ‘слеза’.

Как и в предыдущих группах, большинство в этой категории — женские имена, однако парных вариантов гораздо больше, пары составляют 57 % имен, например: *Džiugà*, ж. (20) / *Džiugas*, м. (1 629); *Gièdrè*, ж. (8 062) / *Gièdrius*, м. (10 335); *Ramùnè*, ж. (331) / *Ramùnas*, м. (10 064); *Svajūnè*, ж. (348) / *Svajūnas*, м. (2 522). В приведенных примерах мужские варианты намного популярнее женских, однако это не всегда так. На основании индексов популярности можно определить, какие качества считались более актуальными для мужчин и женщин. С очевидным перевесом наиболее актуальными для мужчин являются радость, спокойствие, справедливость, молодость, смелость, свобода (имена *Džiugas*, *Drąsūtis*, *Jaūnius*, *Laisvūnas*, *Ramùnas*, *Teisūtis*). Для женщин актуальнее свет и ясность (больше имен с этим значением), красота, чувствительность, любезность, любовь (мужских эквивалентов этим именам нет: *Jaũsmè* — 2, *Jáutra* — 4, *Mèilè* — 142, *Meilùtè* — 601, *Malónè* — 1), сила (также нет эквивалентов мужского рода женским именам *Gajà* — 85, *Galià* — 61), властность (ср. количество употреблений имен *Valdōnas* — 2 и *Valdōnè* — 347, а также женское популярное имя *Gúoda* (1 136) < *gúoda* ‘слава, уважение’, не имеющее мужских эквивалентов).

Наиболее популярные имена из этой группы — мужское *Gièdrius* (10 335) и его эквивалент *Gièdrè* (8 062), мужское имя *Ramùnas* (10 064), женское *Ramùtè*

(4 652) и пара *Žydrūnas* (4 781) / *Žydrūnė* (1 118). Популярность имени *Giėdrius*, возможно, объясняется его легендарной историей: так звали литовского князя, родоначальника династии Гедрайтисов [см.: ВКЛ 3: 165]. В последних двух случаях мы вновь сталкиваемся с возможностью двойной интерпретации происхождения имени: корень *ram-* может быть связан как с лит. *ramūs* ‘спокойный’, так и с санскр. *rāma* ‘приятный’ [Vardai VLKK]. В свою очередь, *Žydrūnas* и *Žydrūnė*, помимо цветового значения (< *žydras* ‘голубой’), имеют и ботаническую мотивировку (см. выше).

подавляющее большинство имен этой группы вошло в употребление в 1940–1960-е гг. и имело пик популярности в 1960–1970-е гг. К 1990–2000-м гг. они практически вышли из употребления. До сих пор актуальны только несколько имен: *Džiūgas* ‘Радостный’ (этим именем в 2020 г. назвали 29 мальчиков), *Skaistė* ‘Светлая’ (20 девочек получили это имя в 2020 г.), *Mėilė* ‘Любовь’ (12 девочек были так названы в 2020 г.), *Glėda* ‘Слава’ (восемь девочек в 2020 г.), *Gajė* ‘Выносливая’ (семь девочек получили это имя в 2020 г.). Особой популярностью пользуется только имя *Viltė*, ж. ‘Надежда’ (4 893), пик популярности которого пришелся на 2014 г., а в 2020 г. так назвали 142 новорожденных.

Среди старых прозвищ мы находим довольно много соответствий именам этой группы: *Giedra*, *Džiugas*, *Jaunius*, *Skaistys*, *Aldonas*, *Drąsutis*, *Šviesa*, *Dainius*, *Meilė*. В настоящее время подобные имена не отличаются продуктивностью. За последнее двадцатилетие вошло в употребление только два имени, имеющих единичные употребления: *Gūdė* ‘Умная’ (3) — 2005 г. и *Malonė* ‘Милость’ (1) — 2012 г.

II. Трансонимы

1. Личные имена, производные от топонимов

Модель производства личных имен от названий местностей и гидрообъектов является одной из наиболее продуктивных в современном именнике. В отличие от средневековых прозвищ, в основу которых преимущественно были положены названия местностей, в современном литовском ономастике больше имен, восходящих к гидронимам (чаще всего это названия рек).

Все эти имена можно разделить на следующие группы.

1.1. Гидронимы

▪ названия рек: *Airė* (33) ‘Айре’ (историческое название речки в обл. Расейняй), *Altiunė* (1) ‘Алмуоне’ (рус. *Нагорная*, историческое название речки в Малой Литве, правый приток р. Инструч), *Alnà* (2) ‘Ална’ (рус. *Лава*, правый

приток р. Преголя в Калининградской обл.), *Aluonà* (1) ‘Алуона’ (река в центре Литвы, правый приток р. Нявежис), *Béržūna* (1) ‘Бержуна’ (блр. *Бярэзіна*, река в Белоруссии, правый приток р. Неман), *Eisrà* (5) ‘Эйсра’ (река в Пагегском р-не, левый приток р. Камона), *Gilánda* (10) ‘Гиланда’ (маленькая речка в Малой Литве, впадающая в оз. Опланкио), *Gúostė* (180) ‘Гуосте’ (река в Пренайском р-не, правый приток р. Вяркне), *Indrajà* (48) ‘Индрайя’ (река в Утянском и Зарасайском р-нах, в бассейне р. Швянтойи), *Lùknė* (2 217) ‘Лукне’ (река на северо-западе Литвы, правый приток р. Швянтойи), *Merkỹs* (26) ‘Мяркис’ (блр. *Мерычанка*, правый приток р. Неман), *Nėmunas* (76) ‘Неман’, *Ragnýtė* (3) ‘Рагните’ (историческое название реки в Малой Литве, нем. *Ragnit*), *Ramójus* (32) ‘Рамоюс’ (небольшая речка в Пасвальском р-не, в бассейне р. Муша), *Rùsnė* (2 479) ‘Русне’ (часть р. Неман от истока р. Матросовка до одноименного о-ва Русне), *Ūlā* (1 017) ‘Ула’ (река в Белоруссии и Литве, приток р. Мяркис), *Upýna* (8) ‘Упина’ (река в Расейнском и Юрбаркском р-нах, правый приток р. Шяшувис), *Ventà* (16) ‘Вента’ (река в Литве и Латвии, впадает в Балтийское море), *Vijõlė* (319) ‘Вийоле’ (река в Шяуляй, левый приток р. Кульпе), *Vilija* (5 760) ‘Вилия’ (блр. *Vilija*, вторая по длине река Литвы, правый приток р. Неман);

▪ названия озер: *Baltỹs* (1) ‘Бальтис’ (озеро на востоке Литвы, в Игналинском р-не), *Iñdrajas* (1) < *Indrajaĩ* ‘Индрайя’ (озеро на северо-востоке Литвы, в Утянском р-не).

1.2. Другие топонимы

▪ названия городов: *Kaũnas* (1), *Kaũnis* (1) < *Kaũnas* ‘Каунас’, *Neringà* (8 625) ‘Неринга’, *Raĩgardas* (334) ‘Райгардас’ (легендарный город, по преданию, провалившийся под землю), *Vilnius* (16) / *Vilnė* (51) < *Vilnius* ‘Вильнюс’;

▪ названия холмов и гор: *Nāglis* (915) ‘Наглис’ (исторический холм в Паланге), *Šatrijā*¹⁷ (6) ‘Шатрия’ (гора в Жемайтии);

▪ названия местностей: *Nėrija* (411) ‘Нерия’ (песчаная коса), *Nidà* (896) ‘Нида’ (поселок на Куршской косе), *Prėila* (10) ‘Прейла’ (поселок на Куршской косе).

Поскольку большинство названий рек в литовском языке женского рода, то и соответствующие имена женского рода — и они не образуют пары. Таким образом, в этой группе самый высокий процент женских имен (72 %). Названия городов, как правило, мужского рода. Примечательна здесь единственная пара *Vilnius* / *Vilnė*, в которой женский вариант встречается чаще, но это может быть

¹⁷ По преданиям, на этой горе собирались жемайтийские ведьмы [Kazimieraitienė 2008: 105].

связано с тем, что женское имя ассоциируется также с апеллятивом *vilnis*, ж. ‘волна’ (давшим, в свою очередь, название речке, на которой расположен город Вильнюс). Название другой реки, протекающей в Вильнюсе, стало производящим для еще одного популярного женского имени — *Vilija* (5 760). В целом из имен, образованных от гидронимов, наиболее популярными оказываются такие, чья семантика прозрачна, которые ассоциируются с определенными апеллятивами или имеют фольклорные / мифологические коннотации. Например, гидроним *Guostė* (180) созвучен лит. *guosti* ‘утешать, сочувствовать’¹⁸; *Indrāja* (48) образовано от *iñdrė* ‘тростник’; *Vijölė* (319) связано с глаголом *vijótis* ‘извиваться’ [Vanagas 1981: 380].

Многие названия рек отождествлялись с одноименными мифологическими героями и обрастали легендами: не раз встречается сюжет о том, что реки образовались из слез легендарных персонажей (*Indrāja* — одноименной великанши, *Vilija* — девушки, оплакивавшей окаменевшего возлюбленного) [Kazimieraitienė 2008: 124, 156]. Мифологические антропоморфные ипостаси рек состояли в родстве, вступали в брачные отношения: *Rūsnė* (от *rusnóti* ‘медленно течь, струиться’¹⁹) считалась дочерью Немана (ср. имя *Nėmunas* — 76), которую он не хотел отдавать замуж за Вакариса (ср. имя *Vakāris*, обсуждавшееся ранее) [Semaška 2005: 520]. Известны предания о великанше Неринге, насыпавшей полоску песка, которая превратилась в Куршскую косу (ср. популярные женские имена *Nėrija* ‘Песчаная коса’ — 411, *Neringa* — 8 625), и ее возлюбленном великане Наглисе (ср. название горы и мужское имя *Nāglis* — 915) [Kazimieraitienė 2008 51–52]. Примечательно, что все популярные имена, образованные от названий местностей, связаны с Куршской косой: это не только наименование самой косы (*Nėrija*) и города (*Neringa*), но и расположенных на косе поселков *Nidā* и *Prėila*. Именем *Nidā*, по легенде, звали русалку, которая жила в заливе у Куршской косы и своим пением завлекала мужчин в морскую пучину [Remeika 1940: 159]. Знаменитое предание связано также с именем *Raigardas* (334) — так назывался мифический город, ушедший под землю [Kazimieraitienė 2008: 20–21].

Наибольшей популярностью пользуется женское имя, образованное от названия реки *Lūkė* (2 217) и имеющее также значение ‘Кувшинка’ (см.

¹⁸Согласно В. Ванагасу, этимология у этого гидронима другая: от *guostas* ‘вихор, пучок’ [Vanagas 1981: 127].

¹⁹В. Ванагас указывает эту этимологию как возможную, добавляя, что аналогичное наименование луга может быть связано с лит. *rūsnė* ‘место, где языческие жрецы жгли вечный огонь’ (от *rusėnti* ‘слабо гореть’) [Vanagas 1981: 285]. Существуют предания, согласно которым именно в этом месте находилось языческое святилище Ромува — священная роща, большой дуб и идолы трех языческих богов [Kazimieraitienė 2008: 55].

выше). Лексема восходит к корню *lukn-* < *lukniūoti* ‘увязнуть, быть топким’ [LKŽ].

Следует отметить: несмотря на то что большинство имен этой группы вошло в употребление довольно давно (в 1920–1970-е гг.), многие из них остаются популярными до сих пор (например, *Indrajà*, *Merkỹs*, *Nēmunas*, *Gúostė*, *Rùsnė*, *Ūlà*, *Nāglis*, *Vilnė*, *Nidà*). О продуктивности этого способа образования имен свидетельствуют и новые личные имена, восходящие к гидронимам: например, *Eisrà* (5) — 2001 г.; *Upýna* (8) — 2004 г.; *Iñdrajas* (1) — 2006 г.; *Bėrzūna* (1) — 2008 г.; *Prėila* (10) — 2008 г.; *Láiva* (1) — 2013 г.; *Baltỹs* (1) — 2020 г.

2. Личные имена, производные от имен литературных героев и фольклорных персонажей

В эту группу входят антропонимы, образованные от имен героев литературных произведений, как правило, связанных с литовской фольклорной традицией (сказок, преданий, авторских обработок народных сказаний и т. д.). Таких личных имен немного, но практически все они очень употребительны. Если не считать вторичных женских вариантов некоторых исходно мужских имен, мужских антропонимов в этой группе получается больше, чем женских:

- литературные героини: *Dáiva* (21 745); *Ėglė* (14 576); *Gražinà* (10 379); *Jūrātė* (14 808); *Neringà*²⁰ (8 625);

- литературные герои: *Aĩkis* (1); *Kastýtis* (1 185) / *Kastýtė* (12); *Keřnius* (262); *Merkỹs*²¹ (26); *Nāglis*²² (915); *Šarūnas* (5 716) / *Šarūnė* (1 021); *Šviedrỹs* (3); *Žilvinas* (4 918) / *Žilvinė* (15).

Имена *Kastýtis* (1 185), *Šarūnas* (5 716) и *Žilvinas* (4 918) имеют намного менее употребительные женские варианты: *Kastýtė* (12), *Šarūnė* (1 021), *Žilvinė* (15). В то же время другие женские имена этой группы являются значительно более популярными, чем мужские. Самое популярное имя *Dáiva* (21 745) — созданное Видунасом имя женского божества из санскр. *daiva* ‘рок, доля’ — созвучно литовскому апеллятиву *deĩvė* ‘богиня’. Возможно, это и определило его популярность. Следующие по популярности *Ėglė* (14 576) и *Jūrātė* (14 808) — персонажи сказок, тесно связанные с литовской мифологией. Оба этих имени допускают двойное прочтение: *Ėglė* — имя королевы ужей, жены властителя подводного царства и одновременно номинация, производная от названия дерева (‘ель’); *Jūrātė* — имя морской девы, дочери

²⁰ Также название города, см. предыдущую группу.

²¹ Также гидроним, см. предыдущую группу.

²² Также название горы, см. предыдущую группу.

морского царя, героини баллады Майрониса «Юрате и Каститис», и одновременно «природное» имя, производное от *jūra* ‘море’. Имена партнеров этих сказочных героинь — мужа Эгле, ужа Жильвинаса (*Žilvinas*²³ — 4 918), и возлюбленного Юрате, рыбака Каститиса (*Kastytis* — 1 185), намного менее популярны. Довольно популярное имя *Gražinà* (10 379) восходит к имени героини поэмы Мицкевича, которое образовано от лит. *gražì* ‘красивая’²⁴.

Распространенные имена сказочных великанов *Neringà* (8 625) и *Nāglis* (915) уже обсуждались в предыдущем разделе, поскольку они также связаны с топонимами. То же можно сказать об имени легендарного героя *Merkỹs* (26), производном от топонима. Двойную мотивацию имеет имя *Alkis* (1) — имя великана из легенды о возникновении Вильнюса и апеллятив *alkas* ‘священная роща’.

Довольно популярное мужское имя *Šarūnas* (5 716) образовано от др.-лит. *šarūs* ‘быстрый’ и опирается на легенду о князе местности Меркине, созданную В. Креве-Мицкявичюсом. Имена легендарных героев послужили возникновению имен *Keřnius* (262) < *kernà* ‘низкорослый человек’ и *Šviedrỹs* (3) < *šviedrūs* ‘яркий, светлый’.

Большая часть имен этой группы возникла в 1920–1940-е гг. и имела пик популярности в 1960–1980-е гг. Немного позже (в 1950–1970-е гг.) появились только имена *Keřnius* (262), *Merkỹs* (26), *Nāglis* (915), их пик популярности приходится на 2000-е гг. Однако к настоящему времени практически все эти имена теряют популярность (в 2020 г. зафиксированы единичные употребления). Исключение составляет разве что имя *Ėglė*: так в 2020 г. назвали 29 девочек.

Видимо, эта группа не является продуктивной: в последнее время не зафиксировано ни одного нового имени, которое можно было бы к ней причислить.

3. Личные имена, производные от теонимов

Личные имена, производные от имен божеств и мифологических персонажей, более многочисленны, чем антропонимы, связанные с именами литературных и фольклорных героев. Имена этой группы можно разбить на следующие подгруппы:

- имена женских божеств: *Austėja*, ж. (7 277), *Aūstė*, ж. (501) ‘Аустея, богиня семьи, покровительница пчел’; *Aušrėnė*, ж. (1 811) ‘Аушрине, богиня

²³Внутренняя форма слова связана с литовским корнем *žel-*, ср. *želšvas* ‘зеленоватый’, *žėlti* ‘всходить, произрастать’.

²⁴Ср. упомянутое выше имя, образованное от того же корня, — *Gražūtė* (47), не связанное с литературной героиней и намного менее популярное.

красоты, утренняя звезда'; *Dalià*, ж. (13 881) / *Dālius*, м. (3 053) 'Даля, богиня судьбы'; *Gabijà*, ж. (10 760) / *Gābijus*, м. (65) 'Габия, богиня огня домашнего очага'; *Láima*, ж. (13 939), *Láimė*, ж. (74), *Laimūtė*, ж. (7 340) / *Láimis*, м. (1 128), *Laimūtis*, м. (1 806) 'Лайма, богиня рождения и судьбы'; *Medeinà*, ж. (332), *Medeīnė*, ж. (81) 'Медейна, богиня леса и охоты'; *Milda*, ж. (7 554), *Mildūtė*, ж. (56) 'Милда, богиня любви'; *Nijōlė*, ж. (18 805) 'Нийоле, богиня подземного царства'; *Saulė*, ж. (4 012), *Saulūtė*, ж. (182) / *Sāulius*, м. (18 748), *Sāulis*, м. (35) 'Сауле, божество солнца'; *Váiva*, ж. (3 036) 'Вайва, божество, связанное с радугой'; *Žemýna*, ж. (595) 'Жямина, богиня земли';

■ имена мужских божеств: *Andójas*, м. (4) 'Андояс, верховный литовский бог [Иванов, Топоров 1982: 155] / божество вод [Греймас 2021: 448]'; *Jōris*, м. (2 746), *Jōrius*, м. (4), *Jōrigis*, м. (13), *Jorūnas*, м. (67) / *Jōrė*, ж. (605), *Jōrigė*, ж. (12), *Jorūnė* (404), ж. 'Йорис, бог весенней зелени; Йоре, языческий весенний праздник'; *Numėjas*, м. (1) 'Нумеяс, домашнее божество'; *Patrimpas*, м. (1) 'Патримпас, прусский бог земледелия, животноводства, здоровья и жизни'; *Perkūnas*, м. (14) 'Пяркунас, бог грома и молнии'; *Žvaigždikas*, м. (1) 'Жвайгждикис, прус. *Svaikstiks*, прусский бог света';

■ имена нарицательные, связанные с мифологией и культом: *Deivė*, ж. (19) / *Deivis*, м. (379) < *deivė* 'богиня'; *Vaidilūtė*, ж. (162) / *Vaidilà*, м. (10), *Vaidilas*, м. (1) < *vaidilà* 'жрец / жрица'; *Vandėnė* (4) < *vandėnė* 'русалка'.

Как следует из этого распределения, наиболее популярны имена женских божеств, т. е. в этой группе соотношение мужских и женских имен (учитывая парные варианты) такое же, как и в целом для односоставных антропонимов.

В этой категории присутствуют как имена реально почитавшихся (подтвержденных источниками) языческих божеств, так и реконструированные исследователями литовской религии, не нашедшие других документальных подтверждений. К последним относятся упоминаемые только в XIX в. Т. Нарбуттом *Nijōlė* и *Milda*. Самое популярное в этой категории имя *Nijōlė* принадлежит предполагаемой жене бога подземного царства Пикуласа (аналог греческой Персефоны). Его Нарбутт связывает с именем славянской богини подземного царства Нии (упоминается Я. Длугошем и М. Стрыйковским) [см.: Balsys 2010: 240]. Второе (менее популярное) имя — *Milda* — носит богиня любви и сватовства. Его исследователи связывают с ятвяжским глаголом *mildat* 'любить' [Kuzavinis & Savukynas 1994: 271]. Хотя Нарбутт приводит множество доказательств существования культа этой богини (упоминает ее святилища, идолы, производные от этого имени гидронимы), современные ученые не считают данные свидетельства достаточными [см.: Balsys 2009]. Имя *Nijōlė* впервые зафиксировано в 1922 г., было очень популярным в 1950-е гг., но с 1980-х гг. употребляется мало. Совсем другая история у имени *Milda*:

оно вошло в употребление еще раньше — в 1912 г., пик его популярности пришелся на 1980-е гг., однако значительного спада не последовало, в 2010 г. им названы 152 девочки, в 2020 г. — 46.

Похожая история у имени другого женского божества — *Saulė*, Солнца (его божественный статус в литовской мифологии подтверждается многочисленными сюжетами, самый известный из которых — сюжет о небесной свадьбе Солнца с Месяцем). Имя *Saulė* вошло в употребление в 1927 г., пика популярности достигло в 2009 г., и до сих пор так активно называют девочек (в 2020 г. его получили 126 новорожденных). *Saulius*, мужской вариант женского имени *Saulė*, несмотря на большое количество употреблений, утратил свою актуальность, в 2020 г. так назвали всего девять мальчиков. Его высокая популярность ранее, вероятно, объясняется возможностью двойной трактовки: его происхождение может быть связано с латинизированной формой евр. *Saul* ('выпрошенный, вымоленный') [Kuzavinis & Savukynas 1994: 324].

Примерно одинаково популярны имена двух богинь судьбы — *Laima* и *Dalià*. Эти имена могут соотноситься и с апеллятивами, которые обозначают соответственно 'счастье' и 'доля'. Тесную взаимосвязь этих двух мифологических персонажей, засвидетельствованных в литовском фольклоре, проанализировал в своем исследовании по литовской мифологии А. Ю. Греймас [2021]. Возможно, в связи с апеллятивным значением эти имена имеют также довольно популярные мужские варианты: *Dālius* (3 053), *Lāimis* (1 128), *Laimūtis* (1 806). Все эти имена (и женские, и мужские) вошли в употребление в 1920–1940-е гг., были особенно популярными в 1960–1970-е гг., а в настоящее время практически не используются.

Из имен, появившихся в 1930-е гг., сохраняют актуальность *Aušrinė*, *Austėja* (в 2020 г. так назвали 171 девочку) и особенно *Gabijà*, которое в 2023 г. вошло в десятку самых популярных литовских имен [Populiariausi vardai] (в 2020 г. так назвали 213 девочек). *Aušrinė* (перекликающееся с весьма популярным именем *Aušrà* 'Заря', которое может восприниматься как сокращенный вариант имени богини утренней зари) входит в контекст мифа о небесной свадьбе (см. сноску 10). Происхождение имени *Austėja* — так называли богиню-покровительницу пчел²⁵ — связывается с глаголом *ąusti* 'плести, связывать' [Balsys 2004: 33]. Актуальность этого образа в качестве источника женского имени может объясняться востребованностью концепции семьи, домашнего очага. Аналогичным образом самое популярное сейчас имя *Gabijà* является именем богини огня домашнего очага (< *góbti* 'покрывать, окутывать' [Balsys 2010: 316]). Зафиксировано немало свидетельств почитания этого божества,

²⁵ Существует также женское имя *Bītė* < *bītė* 'пчела' (см. выше), но оно малоупотребительно.

принесения жертв и молитвенных обращений. Анализируя семантику этого имени, Р. Бальсис отмечает, что «Габия может пониматься и как берущий, захватывающий огонь, и как закрытый, укутанный огонь, и как огонь, который приносит жертвы богам» [Balsys 2010: 317], при этом второе значение («безопасный, спокойный огонь домашнего очага») становится со временем более актуальным [Ibid.: 318]. Возможно, именно такая семантика имени является определяющей при его выборе современными родителями. В связи с семантикой огня ср. также популярное имя *Ūgnė* < *ugnīs* «огонь».

Из зафиксированных позднее женских имен, соотносимых с божествами, следует отметить имя *Žemyna* < *žėmė* «земля» — это обозначение одной из главных женских теоморфных фигур в литовской мифологии [см. об этом: Laurinkienė 2013]. Появившись в 1959 г., это имя в 2020 г. находится на пике популярности. Возможно, популярность определяется семантикой плодородия, защиты, рождения (постоянный эпитет этой богини — *motinėlė* «матушка» — побудил многих исследователей вслед за Тацитом отождествлять Жямину с богиней-матерью, прародительницей всех богов [Balsys 2010: 59–60]).

Близким к этой богине является мужское божество *Jōris* (имя связывается со слав. *jarь* [см.: Klimavičius 2013]) — божество весенней зелени, а также посвященный ему весенний праздник *Jōrė*, ср. соответствующее женское имя. Оба варианта (женский и мужской) появились в 1970-е гг., но только к концу 2010-х гг. достигли пика своей популярности. В 2020 г. эти имена получили 164 мальчика и 54 девочки. Примечательно, что это единственное популярное имя мужского божества, встречающееся к тому же в разных суффиксальных вариантах. Остальные производные от имен мужских божеств имеют единичные фиксации, однако, возможно, пик их популярности еще впереди, поскольку появились они сравнительно недавно: *Andōjas* (4) — в 1990 г., *Perkūnas* (14) — в 1999 г., *Žvaigždikas* (1) — в 2012 г., *Patrìmpas* (1) — в 2017 г., *Numėjas* (1) — в 2020 г.

Статистика показывает, что эта модель именования — одна из самых продуктивных.

4. Личные имена, производные от этнонимов

Имена, образованные от этнонимов, представляют собой самую малочисленную категорию односоставных имен. В ней только восемь имен, из которых шесть образуют пары: *Áistė*, ж. (8 150) / *Áistis*, м. (854) < *áistis* «эстий»; *Jótvingė*, ж. (2) / *Jótvingis*, м. (1) < *jótvingis* «ятвяг»; *Skalvis*, м. (6) / *Skaļvē*, ж. (2) < *skalvis* «скальв». Два имени — женское *Galinda* (1) < «представительница племени галиндов» и мужское *Nadrūvis* (1) < «представитель племени надровов» — пар

не имеют. Бросается в глаза большая популярность женского имени *Āistē* (и не такая значительная, как у женского эквивалента, но все-таки заметная популярность мужского имени *Āistis*), обозначающего совокупность балтийских племен. В начале XX в. так предложил называть балтов Казимерас Яунюс, сам этноним впервые был употреблен Тацитом в трактате «Германия» [VLE]. По мнению Д. Синкявичюте, популярность этого имени связана с национальным возрождением [Sinkevičiūtė 2012]. Впервые оно было зафиксировано в 1960-е гг., пик популярности пережило в 1980-е гг., но до сих пор остается востребованным (в 2020 г. так назвали 32 девочки и 18 мальчиков). Прочие имена, производные от названий более мелких балтских племен, ожидаемо являются менее популярными.

Примечательно, что практически все эти имена (за исключением *Galinda*, единичная фиксация которого относится к 1944 г.) вошли в употребление в конце XX — начале XXI в.: *Skaļvis* впервые зафиксировано в 1995 г., *Skaļvē* — в 2002 г., *Jótvingis* — в 2005 г., *Nadrūvis* — в 2017 г.

Прагматика и аксиология личных имен

До сих пор в оценке предпочтений выбора того или иного имени мы опирались на статистику. При таком подходе можно было только догадываться об истинных причинах имяназечения. Однако существует возможность узнать мнение самих носителей имен или их родителей благодаря собранным на сайте [Vardai VLKK] историям [Pasakojimai].

Многие пользователи отмечают, что при выборе имени искали что-то «редкое, красивое, литовское, языческое», например:

Сначала мы выбрали имя *Mantė*, но потом услышали *Āistė*²⁶ — оно было незнакомое, литовское, красивое. Теперь видно, что Айст много появилось²⁷.

Наряду с этим для многих важно, чтобы имя имело отношение к природе. «Природная» мотивация — одна из самых частых в рассказах о выборе имени. Например:

Smiltė — это цветок (лат. *Arenaria tetraquetra*), из-за цветка я так и назвала свою дочь.

Jorīgė родилась 15 марта. Это самое начало весны, так что значение ‘первая зелень’ очень подошло. Все-таки имя уникальное, оригинальное, особенное.

²⁶От этнонима *āistis* ‘эстий’.

²⁷Переводы с литовского здесь и далее мои. — М. З.

Как в последнем примере, иногда решающую роль играет время рождения:

Две приятельницы родившихся в июле дочек называли именем *Liepa*²⁸. Одна *Liepa* родилась 1 июля, вторая — в конце июля.

Мой ребенок родился 1 мая, до обеда. Когда все закончилось, я открыла глаза и в окно больницы неожиданно увидела, кажется, мгновенно распустившееся большое дерево. И когда кто-то из персонала спросил, придумали ли мы уже младенцу имя, я сказала: *Jorigis*.

Интересные размышления о выборе «природного» имени приводит мама мальчика по имени *Gelmis* (< *gelmẽ*, ж. ‘пучина, глубь’):

17 лет назад я во время беременности долго думала, какое имя будет наиболее подходящим нашему ребенку. Это должно быть краткое, со смыслом, фонетически мягкое, литовское (балтийское, языческое) и оригинальное имя. Семантическими источниками для создания имени я выбрала природные стихии — небо, землю и воду: как и большинство мам, я стремилась к тому, чтобы имя отражало и словно программировало характер нового человечка. Среди сочиняемых мною имен были и смешные варианты — *Ežeras* <‘Озеро’>, *Erdvis* (от *erdvė* <‘пространство’>), *Žemis* (от *žemė* <‘земля’>). Я еще не знала, кто родится — мальчик или девочка. Девочке я хотела дать имя *Gelmė*, а мальчику... *Gelmis* — глубокое, таинственное, спокойное, необъятное, как океан, имя. Свято верила, что я это имя изобрела сама, кстати, это первый *Gelmis*, зарегистрированный в Литве. Однако — о совпадение! — во время родов вошедшего врача коллега назвала Гельмисом. Я не могла поверить, это был настоящий шок. Но потом выяснилось, что его имя было *Gelmantas*²⁹. Многие восхищались этим именем, и мне не приходилось слышать, чтобы оно кому-то не понравилось. Радуюсь своему Гельмису и сейчас — имя сына точно передает его натуру.

Этот комментарий отражает сразу несколько тенденций в литовском имяназвании: дать литовское имя, редкое, связанное с природой и водной стихией. Также примечательно, что рассказчица подчеркивает магическую сущность имени — программирование характера называемого человека. Таким образом, акт имяназвания становится сакральным ритуалом, основанным на вере в силу и энергию слова³⁰.

²⁸ ‘Липа’, а также ‘июль’.

²⁹ Двусоставное имя, образованное от основ *gel-* (ср. *gėlti* ‘жалить’) и *mant-* (ср. *mantà* ‘богатство’, *mantūs* ‘удобный, подходящий’).

³⁰ В современном неоязычестве существует обряд имяназвания, которому придается большое значение [см.: Palaiminimas (vardynos)].

Продолжая «водную» тему, приведем комментарии тех, кто выбрал в качестве личного имени гидроним:

Наша дочь пришла в нашу жизнь неожиданно, но имя *Beržūna* мы знали уже давно и шутили, что, если когда-нибудь у нас будет дочь, мы ее обязательно назовем *Beržūna*. Это название литовской реки, которая начинается еще в Белоруссии.

Мне мое имя нравится. Особенно приятно, что есть такая литовская река — *Vilija*, пусть так называется только ее исток в Белоруссии. Поэтому это имя упоминается в стихах (Адама Мицкевича, Майрониса, Саломеи Нерис) и даже поется... Красиво.

Не менее важна и связь с огненной стихией:

Имя *Ugnė* я предчувствовала, меня завораживало его звучание, литовское происхождение, краткость и значение ‘живой, несущий жизнь, согревающий, кормящий...’ — все, что для нас значит огонь.

Пара приятелей договорилась, что имя первенца как-нибудь будет связано с их именами: девочки — с маминым, мальчика — с папиным. Дочь назвали *Ugnė*³¹, поскольку мама — *Gabija*³².

Здесь важно, что одно имя связано с другим семантически, а не фонетически (как это часто бывает). Контекст подтверждает высказанное выше наблюдение о механизмах популярности имен *Gabija* и *Ugnė*.

«Божественный» статус имени также имеет значение для многих, например:

Когда мы ждали первенца, оба уже знали, что хотим редкое, литовское, языческое имя. Поэтому обоим очень понравилось имя *Joringis*, поскольку *Joris* — древний балтийский бог весны (а наш сын родился ранней весной).

Женившись на Алине, *Mėnulis*³³ стал отцом двоих детей. Дочь назвали *Saulutė*, сына — *Saulius*³⁴. «Еще могла бы жена быть по имени Венера», — радостно смеется мужчина.

Ср. свидетельство другой мамы, назвавшей дочерей *Saulė* и *Milda*:

...литовские имена, краткие, хорошо звучат вместе, обе — богини.

³¹От *ugnis* ‘огонь’.

³²‘Богиня огня’.

³³‘Месяц’.

³⁴Оба имени — от *saulė* ‘солнце’.

Иногда значение имеет и «новая мифология», создаваемая литературными образами:

Владас Путвинскис написал книгу-легенду «Giedrė» о лаумах³⁵ (вроде все были плохие, но одна из них — хорошая, конечно, *Giedrė*)³⁶.

Наконец, при выборе имени роль играют и фонетические ассоциации:

Имя *Uldē* я узнала из печати, там писали, что это имя произошло от звуко-подражания *uldēti* ‘щебетать, чирикать’. В интернете я нашла, что имя *Uldis* — это латышское сокращение имени *Ulriks*. Все-таки звукоподражательное пояснение более приятное.

В связи с последним комментарием можно вспомнить описанную выше группу популярных имен, имеющих семантику звука.

Как видно, аксиологический аспект имеет большое значение при выборе имени. Оценка имен происходит по следующим параметрам: близкое, «свое», не заимствованное (литовское); необычное (редкое); сакральное («языческое», имя бога); красивое; отражающее обстоятельства рождения (например, сезон), желаемые характеристики ребенка. Предпочтительна для родителей также «природная» (растительная и водная) семантика имени.

Выводы

Проследив историю употребления литовских односоставных имен, проанализировав их семантику и прагматику, можно сделать следующие выводы.

1. Наиболее продуктивными периодами именотворчества были первые годы обретения независимости в XX в. и следующие десятилетия (1920–1960-е гг.). Именно в это время появилось максимальное количество новых имен. В первые два десятилетия XXI в. опять отмечается появление новых имен: это связано со стремлением родителей выбрать оригинальное, уникальное имя для своего ребенка (см. свидетельства рассказчиков). Об этом говорит также количество имен, имеющих единичные употребления (37 %). Инновации появляются еще и в связи с тем, что имена, обладавшие большой популярностью в середине XX в., сейчас воспринимаются как слишком «обычные» и чересчур распространенные.

2. Популярность литовских односоставных имен также не была одинакова на протяжении последнего столетия. Явно выделяются два пика популярности:

³⁵ *Лауме* — персонажи низшей мифологии, по поверьям, крадущие и подменяющие детей.

³⁶ По данным другого комментатора, так звали дочь лауме, рожденную для мира людей.

1960-е гг. и последнее десятилетие (2010–2020). Возможно, это объясняется всплеском национального самосознания, совпавшего в конце 1950-х — начале 1960-х гг. с политической оттепелью, которая вскоре сменилась стагнацией (с 1963–1964 гг., см. периодизацию в сноске 4), когда народные имена могли стать символом пассивного сопротивления властям. В то же время конец 1960-х гг. характеризовался пробуждением интереса к народной культуре: в 1967 г. возникла первая краеведческая студенческая община «*Ramuva*», позднее преобразовавшаяся в неоязыческое движение «*Romuva*»³⁷. В последнее десятилетие описываемого периода (2010–2020) увеличение популярности народных имен, возможно, связано с необходимостью подчеркнуть национальную самобытность в становящемся все более глобальным мире.

3. Выделяемые по семантическому признаку группы имеют неодинаковый объем и продуктивность. Лидирующими категориями оказываются антропонимы с вегетативной семантикой (производные от названий растений); связанные с водной сферой (это не только гидронимы, но и географические термины — ср. становящееся популярным имя *Ūrė* ‘Река’; названия растений, растущих у водоемов, — *Lūkė* ‘Кувшинка’, оно же гидроним; имена с семантикой ‘Тростник’, ‘Камыш’); а также антропонимы, производные от имен языческих богов или имеющие мифологические коннотации. К последней категории примыкают многочисленные производные от названий растений, связанных с религиозным культом и имеющих яркий мифологический и фольклорный ореол (‘Дуб’, ‘Явор’, ‘Ясень’, ‘Липа’, ‘Рута’, ‘Ель’, ‘Лен’); имена, производные от лексики, которая называет природные явления (‘Роса’, ‘Заря’, ‘Ветер’, ‘Молния’, ‘Радуга’, ‘Огонь’). Вегетативная тема, по-видимому, является универсальной тенденцией имяназечения: ср., например, наблюдения И. А. Седаковой над именами современных русских неоязычников, множество из которых связано с идеей роста [Седакова 2007: 169]. «Водная» семантика представляется особенностью литовского ономастического.

4. Популярность многих имен также определяется возможностью двойного толкования, что не раз подчеркивалось литовскими исследователями, [см.: Sinkevičiūtė 2018].

5. Имена, связанные с фольклорными персонажами и литературными героями, теряют свою актуальность. Их место занимают антропонимы, восходящие к именам божеств языческого культа, которые актуальны для неоязыческого движения, весьма популярного в современной Литве. По данным,

³⁷ В 1970–1980-е гг. деятельность общины была запрещена и вновь возродилась только с началом перестройки. В настоящее время (с 2024 г.) община официально признана Сеймом Литовской Республики.

приведенным верховным жрецом Литвы (ныне покойным) Йонасом Тринкунасом, основные почитаемые неоязычниками божества следующие: Пяркунас (податель основных природных жизненных сил), Жямина (богиня земли, рождения, роста и созревания, пара Пяркунаса), Лайма (богиня судьбы) и персонификация судьбы Даля, Габия (богиня огня, очага, защиты семьи), Медейна (богиня леса и природных ресурсов) [Trinkūnas 2011: 16–17].

Кроме этого, большое внимание уделяется праздникам, посвященным богу весенней зелени Йорису (последний выходной апреля), богине любви Милде (отождествляемой с Аушрине) (13 мая), возвращению Солнца (зимнее солнцестояние). Имена всех этих божеств мы встречаем среди самых популярных в последнее время литовских личных имен. Частотность имен *Gabija* и *Ugnė* перекликается с тем, что в неоязыческих обрядах огню и отвечающей за него богине уделяется особое место.

То, как охотно родители выбирают для своих детей имена, связанные с литовскими языческими божествами (см. рассказы об этом выше), свидетельствует о популярности литовской исконной религии не только у непосредственных ее адептов. Потребность в мифологизированном подтексте проявляется в создании новых легенд (см. мифологизацию имени *Giėdrė* в приведенных рассказах).

Мифологичность современных литовских имен не является чем-то уникальным: по словам Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского [1992: 62], «общее значение собственного имени в его предельной абстракции сводится к мифу». И все же литовский антропонимикон в его современном состоянии, а также живые процессы, происходящие с ним в реальном времени, представляются уникальным явлением. Такого же мнения придерживаются и литовские лингвисты, поддерживающие создание новых имен и их фиксацию в словарях: «Все имена этого типа, представленные в новом издании словаря, свидетельствуют о возможности обогащать ономастикон с помощью литовских (и балтийских) слов. Это один из способов сохранить его балтийскую уникальность» [Maciejauskienė 2004: 86–87].

Сокращения

В названиях языков и диалектов

блр	белорусский язык	прус.	прусский язык
др.-лит.	древнелитовский язык	рус.	русский язык
лит.	литовский язык		

Источники

- ВКЛ — Вялікае Княства Літоўскае : энцыкл. : у 3 т. / рэд. Г. П. Пашкоў, Т. У. Бялова. Мінск : БелЭн, 2005–2010.
- Kalendorius 1936 — Didysis Lietuvos metraštis kalendorius 1936 metams. Kaunas : Viltis, 1936.
- Kalendorius 1947 — Mūsų kalendorius 1947 m. / red. A. Merkeliš. “Mūsų kelio” leidiny. Dillingen : A. D. Donau, 1947.
- Kalendorius 1959 — 1959 m. kišeninis kalendorėlis / red. V. Kviklys. Vilnius : Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 1958.
- Kazimieraitienė G. Legendos pasakoja. Lietuvos geografiniai objektai. Kaunas : Šviesa, 2008.
- Kuzavinis K., Savukynas B. Lietuvių vardų kilmės žodynas. Vilnius : Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1994.
- LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas. T. 1–20 / red. K. Būga, J. Balčikonis (T. 1–2) ; K. Ulvydas (T. 3–5, 11–16) ; J. Kruopas (T. 6–10) ; V. Vitkauskas (T. 17–20). Vilnius : Lietuvių kalbos institutas : Mintis : Mokslas, 1941–2002. URL: <http://lkz.lt/> (date of access: 23.06.2025).
- MT — Mitologijos enciklopedija. T. 1–2 / red. A. Butkus. Vilnius : Vaga, 1999.
- Palaiminimas (vardynos). URL: <https://romuva.lt/apeigos/palaiminimas-vardynos/> (date of access: 23.07.2025).
- Pasakojimai. URL: <https://vardai.vlkk.lt/pasakojimai/> (date of access: 24.07.2025).
- Populiariausi vardai — Populiariausi vyrų bei moterų vardai Lietuvoje 2023 m. URL: <https://www.duomenugalia.lt/lietuvoje/lietuvos-gyventojai/populiariausi-vyru-bei-moteru-var-dai-lietuvoje-2023-m> (date of access: 25.07.2025).
- Remeika J. Kai dar amžina ugnis ruseno. Mažosios Lietuvos padavimai. Kaunas : Spaudos fondas, 1940.
- Semaška A. «Pasižvalgymai po Lietuvą» (trečias papildytas ir atnaujintas leidimas). Vilnius : Algimantas, 2005.
- Trinkūnas J. Baltic Religion Today (Baltų religija šiandien). Vilnius : Senovės baltų religinė bendrija, 2011.
- Vanagas V. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius : Mokslas, 1981.
- Vardadienių knyga. Kaunas : Kalendorius, 2009.
- Vardai 1943 — Vyrų ir moterų vardai / Metrikinio archyvo referentas Stasys Dūda. Vilnius : Aušra, 1943.
- Vardai VLKK — Lietuvos Respublikos piliečių vardų sąvadas. URL: <https://vardai.vlkk.lt/> (date of access: 20.06.2025).
- VLE — Visuotinė lietuvių enciklopedija. T. 1–25 / red. A. Račis. Vilnius : Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 2001–2015.

Исследования

- Валянтас С. Двусоставные антропонимы — реликты поэзии балтов // Балто-славянские исследования — XVI / отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М. : Индрик, 2004. С. 201–223.
- Греймас А. Ю. В поисках народной памяти // Греймас А. Ю. О богах и людях: исследования по литовской мифологии. В поисках народной памяти. М. : Индрик, 2021. С. 445–623.
- Гудавичюс А. Природа в составе литовских личных имен // Вопросы ономастики. 2013. № 2 (15). С. 137–145.
- Завьялова М. В., Цивьян Т. В. Aušrinė — Mėnulis — Saulė: Об одном мифопоэтическом романе // Современная семиотика и гуманитарные науки. La sémiotique contemporaine et les sciences humaines / отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М. : Языки славянских культур, 2010. С. 184–203.

- Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Балтийская мифология // Мифы народов мира : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. Т. 1. М. : Сов. энциклопедия, 1982. С. 153–158.
- Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Миф — имя — культура // Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Т. 1 : Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин : Александра, 1992. С. 58–75.
- Седакова И. А. Новая прагматика архаических моделей: имена неоязычников // Имя: семантическая аура / отв. ред. Т. М. Николаева. М. : Языки славянских культур, 2007. С. 166–188.
- Юркенас Ю. Основы балтийской и славянской антропонимики. Vilnius : UAB Ciklonas, 2003.
- Balode L. Personvārdu izvēles tendences Latvijā un citās Baltijas valstīs: salīdzinošais aspekts // Baltistikos platībē: Baltų kalbotyros straipsnių rinkinys, skirtas prof. Bonifaco Stundžios 70 metų jubiliejui / red. A. Navickaite-Klišauskiene, V. Rinkevičius, D. Sinkevičiūtė, M. Villaneuva Svensson. Vilnius : Vilniaus universiteto leidykla, 2022. P. 33–64.
- Balsys R. Dėl Austėjos, Bubilo, Bičbirbio kilmės ir funkcijų // Lietuviai ir lietuvininkai: Etninė kultūra. 2004. No. 3. P. 28–44.
- Balsys R. Meilės deivės Mildos autentiškumo klausimu // Logos. 2009. No. 60. P. 149–155.
- Balsys R. Lietuvių ir prūsų dievai, deivės, dvasios: nuo apeigos iki prietaro. Klaipėda : Klaipėdos universiteto leidykla, 2010.
- Klimavičius J. Iš kur Jorė ir kas iš Jorės // Kalbos kultūra. 2013. No. 86. P. 256–264.
- Laurinkienė N. Žemyna ir jos mitinis pasaulis. Vilnius : Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas-Metai, 2013.
- Maciejauskienė V. Dar kartą apie lietuvių vardus // Kalbos kultūra. 2004. No. 77. P. 84–95.
- Mardosa J. Vardinės Lietuvoje: ištakos ir tradicijų kaita // Lietuvių katalikų mokslo akademijos metraštis. 2003. T. 22. P. 285–305.
- Paukštytė R. Gimtuvės ir krikštynos Lietuvos kaimo gyvenime XIX a. Pabaigoje — XX a. pirmoje pusėje. Vilnius : Diemedžio leidykla, 1999.
- Senvaitytė D. Kalendorinių švenčių diskursas sovietinėje Lietuvos periodikoje. I dalis: 1945–1964 metai // Lituanistica. 2013. T. 59, No. 2 (92). P. 101–121.
- Sinkevičiūtė D. Dėl vardyno plėtimo dvikamieniais vardais ir jų variantais // Kalbos kultūra. 2006. No. 79. P. 273–278.
- Sinkevičiūtė D. Baltiški etnoniminiai vardai ir jų paplitimas // Gimtoji kalba. 2012. No. 10. P. 12–17.
- Sinkevičiūtė D. Populiariausi 1991–2010 m. berniukų vardai ir jų davimo tendencijos // Gimtoji kalba. 2014. No. 7. P. 3–8.
- Sinkevičiūtė D. Nauji dvikamieniai asmenvardžiai 1991–2010 m. Lietuvos varyne // Acta Linguistica Lithuanica. 2016. T. 73. P. 82–100.
- Sinkevičiūtė D. Dažniausi lietuvių gamtiniai vardai // Gimtoji kalba. 2017. No. 9. P. 8–14.
- Sinkevičiūtė D. Litauische Vornamen naturthematischer Herkunft: Trends des letzten Jahrhunderts // Onomastica Uralica. 2018. Vol. 13. P. 243–257.
- Sinkevičiūtė D. Lietuvių dvikamienių vardų antrojo kamieno perdirbiniai — pagoniško ir krikščioniško vardyno sąveikos rezultatas? // Baltistica. 2019. T. 54, No. 2. P. 349–359.
- Sinkevičiūtė D. Nesenkantis naujų vardų šaltinis — lietuvių kalba // Gimtoji kalba. 2021. No. 11. P. 16–18.
- Sinkevičiūtė D. Nauji sudurtiniai vardai Lietuvos varyne: įvairovė ir sudarymo ypatumai (XXI a. II dešimtmečio duomenimis) // Baltistikos platybė: Baltų kalbotyros straipsnių rinkinys, skirtas prof. Bonifaco Stundžios 70 metų jubiliejui / red. A. Navickaite-Klišauskiene, V. Rinkevičius, D. Sinkevičiūtė, M. Villaneuva Svensson. Vilnius : Vilniaus universiteto leidykla, 2022. P. 311–326.

- Sipavicius Seide M. Lithuanian Female Personal Names as Cultural Names Derived from Common Nouns from the Point of View of Speakers of Lithuanian as a Heritage Language // *Acta Linguistica Lithuanica*. 2022. No. 86. P. 144–164.
- Šaknys Ž. Vardadienis ir gimtadienis aukštaičių kultūroje: kartografinis tyrimas // *Gimtasai kraštas. Praeities ir dabarties kultūros metraštis*. 2008. No. 1. P. 21–27.
- Šventės šiuolaikinėje vilniečių šeimoje / sud. R. Paukštytė-Šaknienė, J. Mardosa, Ž. Šaknys. T. 1 : Šiđiškienė. Vilnius : Lietuvos istorijos institutas, 2016.
- Zinkevičius Z. Lietuvių asmenvardžiai. Vilnius : Lietuvių kalbos institutas, 2008.

References

- Balode, L. (2022). Personvārdu izvēles tendences Latvijā un citās Baltijas valstīs: salīdzinošais aspekts. In A. Navickaite-Klišauskiene, V. Rinkevičius, D. Sinkevičiūtė, & M. Villaneuva Svensson (Eds.), *Baltistikos platybėse: Baltų kalbotyros straipsnių rinkinys, skirtas prof. Bonifacio Stundžios 70 metų jubiliejui* (pp. 33–64). Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla.
- Balsys, R. (2004). Dėl Austėjos, Bubilo, Bičbirbio kilmės ir funkcijų. *Lietuviai ir lietuvininkai: Etninė kultūra*, 3, 28–44.
- Balsys, R. (2009). Meilės deivės Mildos autentiškumo klausimu. *Logos*, 60, 149–155.
- Balsys, R. (2010). *Lietuvių ir prūsų dievai, deivės, dvasios: nuo apeigos iki prietaro*. Klaipėda: Klaipėdos universiteto leidykla.
- Greimas, A. Yu. (2021). *O bogakh i liudiakh: issledovaniia po litovskoi mifologii. V poiskakh narodnoi pamiaty* [Of Gods and Men: Studies in Lithuanian Mythology. In Search of Folk Memory]. Moscow: Indrik.
- Gudavičius, A. (2013). Priroda v sostave litovskikh lichnykh imen [Nature in Lithuanian Personal Names]. *Voprosy onomastiki*, 15(2), 137–145.
- Ivanov, V. V., & Toporov, V. N. (1982). Baltiiskaia mifologiiia [Baltic Mythology]. In S. A. Tokarev (Ed.), *Mify narodov mira* [Myths of the Peoples of the World] (Vol. 1, pp. 153–158). Moscow: Sovetskaia entsiklopediia.
- Jurkėnas, J. (2003). *Osnovy baltiiskoi i slavianskoi antroponimiki* [Fundamentals of Baltic and Slavic Anthroponymy]. Vilnius: UAB Ciklonas.
- Klimavičius, J. (2013). Iš kur Jorė ir kas iš Jorės. *Kalbos kultūra*, 86, 256–264.
- Laurinkienė, N. (2013). *Žemyna ir jos mitinis pasaulis*. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas-Metai.
- Lotman, Yu. M., & Uspenskij, B. A. (1992). Mif — imia — kul'tura [Myth — Name — Culture]. In Yu. M. Lotman, *Izbrannye stat'i* [Selected Articles] (Vol. 1, pp. 58–75). Tallin: Aleksandra.
- Maciejauskienė, V. (2004). Dar kartą apie lietuvių vardus. *Kalbos kultūra*, 77, 84–95.
- Mardosa, J. (2003). Vardinės Lietuvoje: ištakos ir tradicijų kaita. *Lietuvių katalikų mokslo akademijos metraštis*, 22, 285–305.
- Paukštytė, R. (1999). *Gimtuvės ir krikštytos Lietuvos kaimo gyvenime XIX a. Pabaigoje — XX a. pirmoje pusėje*. Vilnius: Diemedžio leidykla.
- Paukštytė-Šaknienė, R., Mardosa, J., & Šaknys, Ž. (Eds.). (2016). *Šventės šiuolaikinėje vilniečių šeimoje. Vol. 1: Šiđiškienė*. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas.
- Šaknys, Ž. (2008). Vardadienis ir gimtadienis aukštaičių kultūroje: kartografinis tyrimas. *Gimtasai kraštas. Praeities ir dabarties kultūros metraštis*, 1, 21–27.
- Sedakova, I. A. (2007). Novaia pragmatika arkhaischeskikh modelei: imena neoiazыchnikov [A New Pragmatics of Archaic Models: Neo-Pagan Names]. In T. M. Nikolaeva (Ed.), *Imia: semanticheskaiia aura* [The Name: A Semantic Aura] (pp. 166–188). Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur.

- Senvaitytė, D. (2013). Kalendorinių švenčių diskursas sovietinėje Lietuvos periodikoje. I dalis: 1945–1964 metai. *Lituanistica*, 59(2), 101–121.
- Sinkevičiūtė, D. (2006). Dėl vardyno plėtimo dvikamieniais vardais ir jų variantais. *Kalbos kultūra*, 79, 273–278.
- Sinkevičiūtė, D. (2012). Baltiški etnoniminiai vardai ir jų paplitimas. *Gimtoji kalba*, 10, 12–17.
- Sinkevičiūtė, D. (2014). Populiariausi 1991–2010 m. berniukų vardai ir jų davimo tendencijos. *Gimtoji kalba*, 7, 3–8.
- Sinkevičiūtė, D. (2016). Nauji dvikamieniai asmenvardžiai 1991–2010 m. Lietuvos vardyne. *Acta Linguistica Lithuanica*, 73, 82–100.
- Sinkevičiūtė, D. (2017). Dažniausi lietuvių gamtiniai vardai. *Gimtoji kalba*, 9, 8–14.
- Sinkevičiūtė, D. (2018). Litauische Vornamen naturthematischer Herkunft: Trends des letzten Jahrhunderts. *Onomastica Uralica*, 13, 243–257.
- Sinkevičiūtė, D. (2019). Lietuvių dvikamienių vardų antrojo kamieno perdirbiniai — pagoniško ir krikščioniško vardyno sąveikos rezultatas? *Baltistica*, 54(2), 349–359.
- Sinkevičiūtė, D. (2021). Nesenkantis naujų vardų šaltinis — lietuvių kalba. *Gimtoji kalba*, 11, 16–18.
- Sinkevičiūtė, D. (2022). Nauji sudurtiniai vardai Lietuvos vardyne: įvairovė ir sudarymo ypatumai (XXI a. II dešimtmečio duomenimis). In A. Navickaite-Klišauskiene, V. Rinkevičius, D. Sinkevičiūtė, & M. Villaneuva Svensson (Eds.), *Baltistikos plėtybėse: Baltų kalbotyros straipsnių rinkinys, skirtas prof. Bonifaco Stundžios 70 metų jubiliejui* (pp. 311–326). Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla.
- Sipavicius Seide, M. (2022). Lithuanian Female Personal Names as Cultural Names Derived from Common Nouns from the Point of View of Speakers of Lithuanian as a Heritage Language. *Acta Linguistica Lithuanica*, 86, 144–164.
- Valentas, S. (2004). Dvusostavnye antroponimy — reliktų poezii baltov [Two-Component Anthroponyms as Relics of Baltic Poetry]. In V. V. Ivanov (Ed.), *Balto-slavianskie issledovaniia — XVI* [Baltic-Slavic Studies — XVI] (pp. 201–223). Moscow: Indrik.
- Zavyalova, M. V., & Tsivyan, T. V. (2010). *Aušrinė — Mėnulis — Saulė*: Ob odnom mifopoeticheskom romane [Aušrinė — Mėnulis — Saulė: On a Mythopoetic Romance]. In V. V. Ivanov (Ed.), *Sovremennaja semiotika i gumanitarnye nauki. La sémiotique contemporaine et les sciences humaines* [Contemporary Semiotics and the Humanities] (pp. 184–203). Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur.
- Zinkevičius, Z. (2008). *Lietuvių asmenvardžiai*. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas.